

Танаис

ТАЙГА

Марат Байпаков

Марат Байпаков

Танаис. Тайга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42388458

ISBN 9785449671332

Аннотация

770 год до нашей эры. Алтай. Племена северных выбрали вождём Адму, жену великого Таргетая. Адму предстоит посольство в долину. Впереди долгий путь через опасную тайгу. Какие испытания ждут вождя северных и её попутчиков? Сможет ли Адму заручиться поддержкой вождей долины в надвигающейся войне с таёжными племенами?

Содержание

Глава 1. Выборы вождя северных	9
Глава 2. Совет пятисот и Адму	20
Глава 3. Поединок Адму	32
Глава 4. Следопыт	43
Глава 5. Встреча у озера	54
Глава 6. Медведь и тигр	63
Глава 7. Посвящение	72
Глава 8. Духи тайги	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Танаис Тайга

Марат Байпаков

Редактор Евгения Белянина

Корректор Сергей Барханов

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Марат Байпаков, 2019

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7133-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Духам тайги посвящается

– *Свирепые друзья?* – Нети смотрит недоверчиво. – Именно *свирепые?*

Адму закивала. Сомнение на лице вождя северных сменилось глубокой задумчивостью. Нети сел напротив Адму в кресло, покрытое шкурами. Движения его неторопливы и размеренны. Инанна осталась стоять позади Нети. В просторном доме великого Таргетая – только трое.

– Мы называем свирепыми зверей... – Нети откашлял-

ся. – Скажем, медведя или тигра... Но друга назвать свирепым?.. Что означает это обращение? Уважение или оскорбление?

Нети провёл ладонью по лбу, оставив густой пыльный след на коже. Его собеседница горделиво подняла голову.

– Почтение означает. Чжоу прибыло с дарами. В посольских подношениях бронза, оружие и драгоценные камни. Чжоу выдало вождей таёжных. – Адму широко улыбнулась. Посмотрела в глаза Нети. Громко заговорила: – Посол богато был одет. Предъявил длинные пластинки из нефрита.

– Да-да. У Чжоу нефрит, украшенный узорами, – подтверждение ранга. Мне отец, Волк, разъяснял их обычаи.

Адму вопросительно подняла брови.

– Нети? Твой отец? Кто такой Волк?

Но вопросы Адму остались без ответа.

– Значит, император прислал послом правителя провинции? – Нети обернулся и поднял глаза на Инанну.

– Ва-а-ажный посол, – протянула Инанна, одарив сидящего нежным взглядом.

Руки девы сжимают золотую пряжку в виде стремительно бегущего оленя. Инанна встретила глазами с Адму. Взгляды обеих наполнились до странности схожей горделивой надменностью. Нети подметил перемену. Неожиданно хлопнул в ладоши.

– Адму почтенная, – тихо, почти шёпотом произнёс Нети, – ты же знаешь традиции племён северных.

Адму прервала долгий поединок взглядов и посмотрела на сидящего перед ней вождя. Надменность сменилась грустью.

– Меня, нас... Я про мужей, что ушли со мной походом на горы...

Неги прикусил губу.

– ...Не было почти три с половиной года, если считать с походом на Чжоу, – быстро подхватила Адму. Заговорила так же, как и Неги, тихо, в четверть силы голоса.

– Адму, я привёз нашего предводителя – вождя Таргетая, твоего мужа. Его надо предать земле. Великий посредник выдержал три бранных похода. Явил мужество в сражениях. Покрылся шрамами. – Неги вновь замолчал.

– Последую за мужем – в мир предков.

Адму резко выпрямилась в кресле. Вздохнула. Сняла пояс с золотой мужской пряжкой, сложила пополам. Протянула обеими руками Неги. Но вождь северных решительно выставил левую ладонь. Растопыренные пальцы в кольцах – к небу.

– Нет-нет, не здесь и не сейчас. – Голос Неги твёрд. – Деяния твои, Адму, достойны почестей. Ты славный вождь, жена Таргетая. *Заслужившая память* – имя твоё. Потому тебе надо песнями воздать честь при всём племени. Адму, на похороны Таргетая придут несчётные делегации союзных племён... и даже верховный! Ты увидишь наших героев. Поговоришь с верховным – я обещаю тебе. Тишпак, любимец Богов, песни споёт!

Пояс с золотой пряжкой лёг на красное платье в синих волнах-узорах.

– Адму, у тебя нет наколок вождя. Нет браслетов доблести. Да и гривны вождя уж слишком просты для *тебя*. Как же взглянут на нас предки? Без сомнений, предки гостеприимно примут тебя и... – Нети повернул лицо к западу. Развёл в стороны руки, – скажут, что мы, живые, совсем неблагодарные люди. Нехорошо! Так относиться к предкам – оскорбительно. Меж нами и духами возникнут обиды.

Нети нахмурился. Свёл брови. Адму выжидающе молчала.

– Да и упокоить тебя, вождя Адму, надо в отдельном огромном кургане. Дом под ним сложить с двойными стенами. Проводить тебя с колесницей, служившей в брани, с лошадьми, слугами и охраной – так, как полагается знатному и победоносному *вождю военного времени*. Ты же, Адму, не какой-нибудь там... временный вождь. Ты же *славный добрый вождь*, почтенная Адму. Адму – ты великий вождь!

Нети поднял глаза к Инанне. Вернулся уже тёплым взглядом к грустной и гордой Адму.

– Думаю, племена северных не оспорят меня, если десять... или нет, тридцать длинных дней продлится твоё правление. Счастливо так продлят. – Нети примирительно улыбнулся. Адму сдержанно улыбнулась в ответ. – Расскажешь о делах, что свершила. Мы же... – Нети замолчал, чего-то ожидая.

– Мы поведаем тебе, *уходящий вождь*, о победном походе на Чжоу и о безрадостной дороге домой. Сложим слова о недавнем походе на горы, – ласковым голосом в небо заговорила Инанна.

Нети протянул руки к Адму, повернув их ладонями к небу. Адму крепко сжала пальцы вождя северных.

– Так понимаю: ты и есть та судьба, что поджидала дома Уту... – Нети смотрит уважительно в глаза недоумевающей Адму. – И про то расскажу тебе.

Глава 1. Выборы вождя северных

Три года назад, до разговора Адму с Нети.

Великие стены Севера

– О какой такой борьбе за власть ты говоришь? – Могучий муж в годах, слегка за тридцать, стукнул кулаком по колену. – Адму, уволь.

Муж провёл пятернёй с толстыми пальцами по редующим, незаплетённым в знак траура, сальным волосам, густо засыпанным перхотью.

– Временный вождь – это же приговор. Ты знаешь порядки. Когда из похода вернутся сыновья вождя Уту и Пасагга... Они вернутся вечными героями, Адму. О них сложат витиеватые свадебные песни.

Глубоко посаженные зелёные глаза могучего мужа впились в начищенный до блеска жертвенник у входа. Муж развязал кисет. Вытянул руку и просыпал на угли семена конопли.

– Перед выборами... будут положенные гадания, жертвы Богам и предкам... – Пальцы могучего мужа вновь сложились в кулак. – Но Адму, ты понимаешь, Уту и Пасагга победят на выборах вождей. Такие думы ходят среди знати. Уту и Пасагга – только их ходят видеть вождями люди. Мнение твёрдое сложилось среди старейшин.

– Что же до худых да дальних? – нетерпеливо перебила его Адму. – Ты же их вожак.

– Так думаю, Адму почтенная... Выберут не старейшины и не худые. Выберут вождя те, кто ушёл на Чжоу. Если, конечно, Уту или Пасаггу раньше, в походе, воинство не определит вождями. Ну, возможно, в брани кое-кто из них... – Могучий муж замолчал. Быстро перевёл взгляд на вход в сруб, плотно закрытый войлочным одеялом.

– Продолжай. Там надёжные дядья. – Адму подняла ладони к небу.

– Если кое-кто из них сгинет в походе, командующий, та дева-массагет, жрица Танаис, назначит военного вождя над северными. Новый вождь убьёт временного. Принесёт по весне в жертву Богам, ритуалом со жрицами. Возможно, борьба за звание вождя, о которой ты говоришь, и предстоит, но никак не раньше, чем через полгода или год после прихода героев.

– Полакка, та дева – вождь массагетов! – ведёт армию. – Адму восхищённо зацокала языком. – Деву выбрал Таргетай. При смерти духи явились к нему – ты помнишь, как он прокричал «*Война!*»?

В ответ муж закивал. Повернул голову, кинул исподлобья насмешливый взгляд на собеседницу.

– Тоже так мечтаешь? А почему с ними не ушла в поход? Адму покраснела, но восторженной улыбки не спрятала.

– Что тут скрывать? Тоже так мечтаю, мой друг. Полакка,

меня в поход не взяли. На традиции указали старейшины. – Пришло время молодой женщине приложить кулак к колену.

– Прости, не знал, Адму. Нет таких традиций – отказывать жене вождя, если вождь не отказал. – Полакка нахмурился. В углах рта залегли гневные складки.

– Я совету трёхсот говорила при деве Танаис: «Отпустите в поход. Пойду за моим Таргетаем». Они мне: «Какие великий Таргетай привычки завёл, мы знаем. Адму, старшая жена вождя, останется в Стенах Севера – дожидаться возвращения мужа». Сговорились. Двое, заметь, Полакка, из моей ближней родни встали с той речью. Их поддержал весь совет трёхсот.

– Не вхож я в совет трёхсот. В *совете пятисот* почётom числюсь. – Муж вновь вернулся к жертвеннику. Из кисета потекла струйка конопли. – Теперь понимаю твои сомнения. Поддержу тебя, храбрая. Дальние и худые – твои, мой *временный вождь* Адму. А ведь это же не всё, что ты хотела поведать секретом?

– Ох и догадлив ты, Полакка! – вновь расцвела Адму.

Муж северных ответил сдержанной улыбкой – лишь уголки губ поднялись на мрачном лице.

– Что будет после выборов, не хочешь узнать?

Рука Адму проворно нырнула в кисет. Женщина поднялась с кресла, встала перед Полаккой, сделала шаг в сторону и просыпала семена на угли, продолжая смотреть на собеседника.

– Дела достойные никак помышляешь? – Густые чёрные брови Полакки поднялись.

Адму вынула из богатой поясной сумы, пошитой из шкуры леопарда, удивительную вещь. Это было зеркало – круглое, бронзовое, с ручкой, вырезанной из кедра, в виде хищной рыбы, открывшей зубастую пасть. Адму направила блестящее зеркало на Полакку.

– А я, стало быть, клятвы верности тебе должен при Богах принести? – молвил Полакка.

Адму кивнула. Муж вздохнул. Поднял правую руку к небу. Заглянул в зеркало.

– Клянусь, Мать-Богиня, что поддержу Адму, жену Таргетая, в её начинаниях, – твёрдым голосом заговорил Полакка. Произнеся слово «*начинаниях*», выжидающе замолчал.

Адму наклонилась к Полакке и зашептала на ухо. Глаза мужа расширились, рот открылся.

– О-о-о! – вырвалось у него.

Адму вернулась на прежнее место. Полакка тяжело вздохнул и продолжил:

– И в том, что сказано было ветром мне, тоже клянусь.

Адму спрятала зеркало в суму. Рука легла на колено. Муж откинулся, прислонившись спиной к стене. Навалился могучими плечами на бревно. Поднял голову к светлому потолку, обшитому корой берёзы.

– Ну ты меня и втянула в быстрину. Ох и рискованные задумала планы! – Полакка усмехнулся. По тону не понять,

радуется или сожалеет. – Достопочтенная Адму...

– Поздно жалеть, клятвы при Богине выдержал...

Улыбка сошла с лица Адму, неуловимо сменившись горделивым и надменным выражением, но Полакка не заметил перемены. Он рассматривал потолок.

– Не жалею. Только от таких-то долгих планов надобно при жизни *попрощаться с родными*. – Улыбка тронула губы, озарив хмурое лицо мужа.

– Не будем тянуть, мудрая Адму. – Полакка оторвал взгляд от потолка. Встретился глазами с женщиной. – Сегодня вечером соберём совет пятисот, пока не разъехались хорошие по домам. Огласим твои думы... все или почти все...

Неожиданно муж хлопнул себя ладонью по груди. Громко засмеялся. Продолжил, уже встав, нахлобучив островерхую серую шапку по брови:

– А ведь и попрощаться с семьёй не успею. Вот оно как сложилось! – С теми словами Полакка покинул жилище Таргетая.

Днём позже. Вечер. За Великими стенами Севера

За высокими валами главного поселения северных – шумное сборище. Уже третий месяц по степному календарю, от раннего лета до осени, за зелёными стенами союзные племена расхаживают с обнажённым оружием. Не привыкать древним, местами оплывшим от невостробованности оборо-

нительным валам к разноголосым – то важным, то гневным, то шутивным – пересудам. Покосившийся частокол на гребне валов – равнодушный свидетель передвижения огромных человеческих масс: народ всё прибывает. Посредине луга перед валами – тяжёлые копья для пешего боя тыльниками воткнуты в землю, наконечниками соединены. Копья затейливо расписаны, как для брани. Красные волны бегут от тыльников к сверкающим на солнце наконечникам. То верный призыв к выборам вождя.

Крытые повозки знати со штандартами северных племён выстроились в ряд без тягловых лошадей. Колёсные спицы тех повозок – в рост воина. Штандарты, числом двенадцать, обращены символами – резными мордами зверей-прародителей: волков, тигров, птиц, барсов, грифонов, рыб – на восток. Оглобли повозок подвязаны, устремлены вверх. Народ рассаживается кругами вокруг копий. Первый круг уже собран из знати северных племён. Не дожидаясь окончания сборов, складывают костёр. Невысокий, из сломанных изношенных жердей, что прежде были основой мотыг, лопат и прочего домашнего инструмента. Костёр поджигают жрицы. Их красные одежды видны издали. Девы, повернувшись к светилу, поют благодарственную молитву. С её первыми ласковыми словами шум затихает. Хвалебная песнь неспешно поднимается в небо.

Верховный жрец воздел посох. Мановение золотого оленя с ветвистыми рогами завершает приятное песнопение. Силь-

ным голосом жрец выкрикивает поверх голов:

– Боги, предки и духи-покровители, призываем вас быть свидетелями нашего выбора! Выбора вождя. Достойные предложили вам, северным людям, явить свою волю. Адму почтенная, выйди!

Жена Таргетая появляется среди повозок. Она одета в бронзовые чешуйчатые доспехи – тяжёлые, для конного боя, бронзой надёжно прикрыты ноги до колен. На голове литой островерхий шлем из старой бронзы, украшенный клыками кабанов. Под шлемом – убор плотный, из кожи. В две тугие косы вплетены кожаные ленты. Косы плотно уложены вокруг шеи. Идёт Адму чинно, в одной руке чёрный округлый кожаный щит с нашитыми мелкими бронзовыми чешуйками, блестящими в лучах солнца, в другой рог. Старшая жена Таргетая приготовилась к брани. За мужским поясом хищный клевец, окрашенный в красное. К левой ноге подвязан кинжал.

Жрец упирает наверхие посоха в левый бок Адму.

– Адму почтенная из рода славного. Старшая жена ушедшего в поход великого Таргетая. Два племени сочли Адму достойной права стать временным вождём нашего союза.

Адму поднимает кубок к небу. Медленно выливает тёмно-коричневое содержимое на землю возле копий. Пустой кубок ложится под священными древками. Поднимает правый кулак.

– Адму, жена вождя Таргетая, хочет речь держать пред

племенами.

Гордый голос звонко разносится в тишине. Адму трижды оглашает своё намерение. Никто не оспаривает её право говорить на совете достойных. Однако старшая жена Таргетая не спешит. Выжидает, обводит взглядом не только первый круг, но и все прочие. По знаку жреца – сильному удару посоха по земле – говорит. Говорит медленно, отчётливо произнося каждое слово, словно камни укладывает рядами, точным подбором, в бранный вал.

– Боги всесильные да осенят заботой своей тех, кто ушёл на войну!

Сидящие поднимают правые руки. Проводы ушедших на брань мужей и дев волнительно свежи. Вчера, по утренним звёздам, сводная армия покинула Великие стены Севера.

Позади Адму – в первом ряду – Полакка. Он проводит ладонью по бородке, шепчет в спину говорящей: *«Хорошо начала, теперь не сбейся»*. Но это излишнее напутствие, Адму полна уверенности.

– Верую я, что победу великую принесут воители. Нам же, оставшимся дома, тоже найдётся достойное занятие. Замирённые мужем моим враги после его ухода поднимут головы. Мир славный закончен. Клятвы по крови соблюдены. Коль нет Таргетая в живых – нет и договорённого мира. Весной, не позднее, навестят нас с бронзой люди из тайги.

Совет загудел. Гул нарастает – обсуждение громкое,

но только в первом круге – совета пятисот. Прочие круги, чтя заведённые порядки, молчат. Но вот установилась тишина. Никто из совета не оспорил суждение Адму. Жрец поднял посох.

– Можно послать к людям из тайги послов с вестями, – продолжает Адму. – Но ведь они, а не мы клялись в мире. А потому правильнее первыми взяться за оружие. Присягнут на мир – распустим бранные отряды. Не присягнут – пойдём войной. До весны два долгих месяца зимы. Достаточное время для раздумий.

По левую руку от говорившей поднялся крепкий, среднего роста муж. Знаком попросил слова. Муж тот странного сложения – словно покосившаяся вправо гора. «*Вот и нашёлся тебе соперник, Адму!*» – процедил горько Полакка, вздохнул и закрыл глаза. Жрец посохом указал на вставшего. Муж заговорил торопливо, гневно выкрикивая слова:

– Те приготовления к войне таёжные, конечно же, заметят! Глаза у них на правильном месте! Послов за миром нам не дожидаться...

Однако жрец прервал начатую речь:

– Тебя мы знаем, муж. Хоть ты пожадничал и имя своё сокрыл от нас. Но имя ты своё всё же огню-то открой. Ему ты совсем не знаком.

Собравшиеся негромко засмеялись. Муж запнулся. Уставился в костёр.

– Совет пятисот! От волнения, не от умысла нарушил по-

рядки. – Смешки затихли. – Савлий имя моё. Огонь, прими имя моё с извинениями.

– Мы слушаем тебя, достопочтенный Савлий. – Жрец раскрывает руки, словно для объятий.

– *Первыми* возьмёмся за войну? Такой задумки придерживается почтенная Адму? – Савлий оглянулся, всматриваясь в прочие круги, затем вернулся взглядом к совету. – В той короткой войне, что затеяла славная мать Нети, и в той, подольше, что была после неё, я потерял почитай всю родню. Таёжные кружили, то приближались, то уходили. И в каждый их приход-уход я провожал близких к предкам. Какую меру мы, северные, отмерим? Кровью будем платить? В новую... *третью* войну? Нам что, недостаточно похода на крепкую империю Чжоу? Берёмся теперь и за... *мирных соседей*?

Муж поднял правую руку с намерением сесть. Однако верховный жрец воздел посох, и Савлию пришлось остаться на ногах.

– Савлий, да что с тобой? Вторая досадная оплошка за короткий вечер. – Жрец наклонил вправо голову. Смешки шумно пролетели по рядам. – Выходи к огню, почтенный. Бронзу бранную не забудь.

Савлий на мгновение замер и съёжился, ещё сильнее завалился на правый бок. Принялся водить челюстью из стороны в сторону, словно жуя. Затем стремительно вынул из ножен серьёзный кинжал, понуро, прихрамывая и раскачиваясь, пошёл к костру. Дойдя, встал напротив Адму. Теперь

Адму – по левую руку от жреца, а Савлий – по правую.

– Совет пятисот, как поступить дальше? – Вопрос жреца летит в небо. Закат окрашивает облака красным. – Адму почтенная продолжит речь? Или *Савлий забывчивый* доскажет возражения?

Глава 2. Совет пятисот и Адму

Жрец молча прикоснулся наверху посоха к гордому шлему Адму. Совет пятисот поднял правые руки. Их примеру последовали прочие широкие круги. Золотой олень тронул непокрытую голову Савлия. Два десятка рук поднялись в поддержку мужа. Жрец легко кивнул Адму.

– *Праздника Смерти не избежать!* Зиму не отменить. Лето тёплое не бывает вечным. За Праздником Жизни приходит Праздник Смерти. Вечный круг замкнётся! Пустыми уговорами пустых рук злую бронзу не остановить. Никому не удавалось вымолить мир раньше, да и в этот раз не удастся. Мы видели глупую гордыню людей из тайги. Разве мы, северные, начинали те битвы первыми?

Адму выдержала паузу. У неё гордый вид. Спина под тяжёлыми доспехами прямая. Затрещал костёр, словно отвечая согласием на её слова, и Адму продолжила:

– Таёжные никогда не выдавали нам зачинщиков злодеяний. Обиды тяжкие возникали только по их вине. Их жадность – их глупость. Людям из тайги мало честной меры в обменах. Так поступили они, дважды убив наших достойных людей. Так поступят и в третий раз. Дважды в брани лесные великаны были на нашей стороне. Будут и в третий раз с нами. *Духи леса справедливы!*

Правые руки взметнулись к небу. Адму замолчала – со-

храня горделивый вид, с нескрываемым удовлетворением оглядела пятьсот знатных. Полакка потёр руки. Посох жреца ударил с силой в землю. Звонкий голос вновь полетел к бордовому осеннему небу:

– *Ищущие мира обретают позор!* Слабость призывает презрение. Праздник Смерти верный друг Праздника Жизни! – Адму подняла руки к небу. Щит взметнулся вверх. – А к празднику надо готовиться. Разве не этому учат нас Боги? Великая Богиня Табити, Создательница Миров, требует от людей недюжинной храбрости. *Боги любят только сильных духом!* Их, Всесильных, не разжалобить мольбами. Отправим первыми послов – признаемся в трусости. Труд двух тяжких войн пойдёт прахом. Над нами, недостойными, будут смеяться предки. За добровольный позор лишимся поддержки и Богов, и предков, и покровителей родов! Кто же более силён духом – тигр, что изготовился к прыжку, или бык, что наставил на атакующего рога?

Откуда-то слева от Адму взорвался хриплый боевой клич: «У-у-у-у!» Полакка привстал, чтобы разглядеть поющего. И неожиданно для себя самого сложил руки у губ и подхватил боевой клич, за ним весь совет пятисот запел грозную песню волков. Скоро хор пополнился несколькими тысячами голосов. Пели мужи, девы, подростки и даже дети. От такого единства у многих поющих выступили слёзы. Никто не счёл солёную воду на щеках проявлением жалкой слабости.

Только верховный жрец сохранил суровую невозмутимость. Опираясь на посох, он смотрел в темнеющее небо. Чёрно-рыжая борода не дрожала. Терпеливо дождавшись окончания песнопений, жрец поднял посох с золотым оленем.

– Совет пятисот, дозволим жене Таргетая и мужу, почтенному Савлию, изложить их планы?

Знать обнажила оружие, принялась постукивать бронзой по земле.

– Начнём с доброй девы?

Предложение жреца не вызывает возражений. Жрец повернул посох, и Адму широко шагнула вперёд.

– Совет, вы знаете, у Таргетая наследница есть, моя дочь Даитья. Направиться в долину, к нашим союзникам намерена я немедля. Выдать дочь замуж за сына вождей долины, скрепить узами родства союз северных племён с племенами долины. То ближний, до весны, план мой. Что же до дальнего... В моё отсутствие вы подправите оборонительные валы, скопите и снарядите бранные отряды, выберете достойных командиров от десятников до тысячных, откормите высоких строевых лошадей. Принесёте военные клятвы. *Поставим под копьё племена северных!* В брани будут девы и мужи от пятнадцати до тридцати лет. Биться будут все, кто может поднять лук. Оставим матерей кормящих, дев на сносях, подростков и детей. Весной выступим. Прикроем перевалы для возвращающихся из похода. Праздник Смерти встретим

подобающе – с бронзой в руках. Дел, как видите, много. Каждому из нас отмерится доля.

Адму говорила неспешно, важно и твёрдо. Слова её звучали, воскрешая в памяти слушателей бранную силу предков. Замолчав, она сделала уверенный шаг, отступив на место, где была до произнесения речи.

Жрец обвёл взглядом собрание, явно чего-то ожидая. Пятеро мужей в разных частях круга совета пятисот подняли руки. Золотой олень указал на каждого из них, но заговорил только один – высокого роста хмуроватый, жилистый воин лет тридцати, с широкими плечами и ярко-рыжими волосами. Под стать плечам и лицо – словно кирка, с властным квадратным подбородком. Глубоко посаженные карие глаза впились в Адму.

– Раман имя моё...

Рыжеволосый мог и не называться, не только совет, но и прочие круги одобрительно загудели. Полакка насторожился. Руки сжались в кулаки.

– Адму почтенная, хорош твой план, что ближний, что дальний. Согласен с тобой... – Муж приложил правую руку к груди, словно клянясь в верности. – Да только изволь не согласиться с тобой кое в чём, моя почтенная... – Раман сделал шаг вперёд, покинув своё место в круге совета. – Уж больно рискованно то путешествие, в одиночку, да по землям таёжных, аж до неблизкой долины! Храбрости тебе не занимать, но ведь не только о тебе одной речь тут идёт...

Раман замолчал, ожидая разрешения жреца продолжать речь. Получив, обернулся к совету лицом.

– А что, скажите мне, выпадет храброй Адму и дочери вождя Таргетая, попадись они ненароком к *друзьям таёжным*? – Раман говорил спокойно. Провёл ладонью по аккуратной бородке. – На всё, конечно же, воля Богов, но ведь и у нас должно быть разумение перед деянием отважным.

Раман выставил вперёд открытые ладони. Тот жест означал вопрос к совету. Круги знати молчали, ожидая продолжения.

– Может быть, храбрейшую Адму, жену Таргетая, и дочь его драгоценную попридержим в сохранности за бранными валами? А отправим в долину только посла важного? Скажем... *меня*?

Предложение неожиданно вызвало добродушный смех. Сначала робкий, а затем и громкий. Смех перекинулся на круги и превратился в оглушающие раскаты. Рыжеволосый не ожидал такой реакции. Удивлённо оглядел смеющихся. Никто не отвёл взгляда. Сквозь смех раздался выкрик из рядов совета:

– Нет, народ, ну ты только погляди! Всю славу да себе, родному, Раман удумал прибрать! А мы тут олухами рassiживайся, пока он при подвигах щеголяет?

Выкрик породил ещё один раскат хохота. Раман густо покраснел. Жрец едва заметно улыбнулся, прерывать веселье не стал. Отсмеялись – и совет пятисот продолжился.

Вставшие было мужи сели ещё по первому раскату хохота. Речь старшего тысячного командира Рамана была, как видно, и про их невысказанные думы.

– Совет пятисот... – Верховный жрец принял до крайности суровый вид. – Сложим мнения? Так понимаю, храбрый помысел почтенной Адму надобно поддержать. Вопрос лишь в том, поедет она или поедет кто-то за неё. Кто за Адму?

Совет пятисот, включая верховного жреца, поднял правые руки.

– Решено! – Посох с золотым оленем стукнул с силой по земле. – Одну только Адму почтенную отправим или дадим ей сопровождение?

Верховный жрец северных, задавая вопрос, выставил ладонь правой руки, прося слова. Совет зашумел.

– Разумение моё такое. Если отправим значительный отряд всадников – сотни три или пять – не только привлечём к нашей Адму ненужное внимание, но и загубим тайное дело...

Согласные выкрики перекрыли речь жреца.

– Раскроем замысел!

– Войну сразу начнут таёжные!

– Адму храбрая и её отряд сгинут понапрасну!

– Глупо с отрядом всадников через таёжных в долину идти!

Жрец не обиделся на то, что его прервали. Дождавшись тишины, продолжил:

– Что ж, на то и совет, чтобы совокупно думу держать. Так скольких сопровождающих почтенной Адму дадим? Одно-го? Тогда он сойдёт за брата. *Троих*? Тогда – за мной торговцы держат путь.

На последнее предложение руки взметнулись вверх. Суровость сошла с лица оратора. Верховный жрец спросил насмешливо:

– А как будем, достопочтенные, выбирать тех *трёх счастлилицев*? Жребием? Или по внешнему подобию какому?

Повисла тишина. Всё ещё стоящий Раман заговорил:

– Дозвольте... Никто из таёжных не должен знать тех троих. Кто был при замирении с Таргетаем-вождём, не могут последовать с почтенной Адму... в поход в долину.

Произнеся последние слова эффектно устрашающим тоном и с суровой маской на лице, он так привлекательно украсил и без того уже соблазнительно-рискованный замысел, что глаза ярко загорелись не только у совета пятисот – в кругах знати и худых началось шумное брожение. Поучаствовать в рискованном походе, сулящем всеобщее уважение, захотелось очень многим. Рыжеволосый, осознав промашку, вновь залился краской – лицо его стало под цвет огненных волос.

– Ой, да тебя, Раман, всякий из таёжных опознает!

Дикий хохот разорвал тишину раздумий. Под добродушный смех посыпалось:

– *Огневолосых* никак нельзя в дорогу пущать – тайгу под-

палят!

– На снегу рыжих издали видать!

– Ты же, Раман, порол пленных – так они тебя враз припомнят!

– Да-да, и шутки при пленных ох как расшучивал!

– Запомятовал никак, сердешный? С Нети, тысячным, чинно расхаживал и плёткой трюнил!

– Эх-эх, Раман! Не судьба тебе подвиг заветный добыть!

Соседи по обеим сторонам от рыжеволосого мужа под руки усадили жертву безобидных шуток. Верховный жрец прищурил глаза, принял хитрый заговорщический вид, повернулся к Адму вполоборота.

– Почтенный совет! Может быть, мы предоставим право выбора попутчиков самой достопочтенной Адму?

Шум стих. Одобрительно застучала боевая бронза по земле. Теперь пятьсот знатных, затаив дыхание, всматривались в старшую жену Таргетаю.

– Достойные племён северных... – Адму горделиво подняла голову. – Могу назвать только одно имя. Оставшихся двух укажите вы. Тот, кого я выбрала, связан родственными узами с добрыми долины, знаком он и вождям долинных племён. Дальней кровной роднёй приходится и мне. Отмечен добрый муж за успешное посольство в долину даром почёта от вождя Таргетаю.

Адму нашла взглядом Полакку. Указала правой рукой. Муж поднялся с добротной кожаной дорожной сумы, на ко-

торой сидел. Вскинул правую руку, приветствуя совет пятисот. Добрые одобрительно зашумели – известен муж. Полакка шагнул. Вынул из другой сумы, висевшей на ремне через плечо, натёртое до золотого блеска круглое бронзовое зеркало. Явил совету. Бронза блеснула в последних лучах закатного светила.

– Тот *приснопамятный дар* великого вождя Таргетаая, что упомянула Адму, в моих руках. – Полакка вложил дар в суму. Верховный жрец коснулся навершием посоха груди Полакки.

– Достойный Полакка станет вторым послем при Адму. Определим должности для сопровождающих?

Поднялись сразу два мужа.

– Совет почтенный, нужен следопыт! – скороговоркой выпалил среднего роста безбородый юноша лет восемнадцати. Светлые волосы тщательно уложены в три косы. Встретив молчаливое понимание, уже спокойнее продолжил: – Всяк среди нас хорош по четвероногому зверю, дорогу к долине тоже многие с завязанными глазами найдут. Не о том мой сказ. Тут особые умения требуются – выискивать *следы таёжных двуногих*, про то толкую. Следопыт должен знать нравы таёжных. При следопыте – парочку псов или птичку ловчую...

Верховный жрец поднял посох. Указал грозно золотым навершием на юношу. Склонил набок голову. Насмешливо, но ласково спросил:

– Верно, это *ты* предьявить можешь столь *опытного следопыта двуногих*, коли вещаешь нам о таёжных следах?

Юноша не растерялся. Гордо поднял голову.

– Совет мудрых, дозвоьте покинуть лобное место – представить глазам вашим следопыта с пограничной таёжной межи.

Тут же полетели скорые язвительные и громкие ответы:

– До той межи таёжной пять дней ходу, да и то если поспешать!

– Ой! Извини, мы столько ждать не сможем!

– Уж дюже ноги затекли!

Смешки лёгкой волной пролетели по кругам. Юноша обнадёженно улыбнулся, пригладил рукой косы и с лукавым видом – *дескать, и я не хуже шутить могу* – скоро покинул совет пятисот.

Второй муж – на голову выше и постарше предыдущего, добрый, лысоватый, лет под тридцать. Речь его неспешная. Говорит, глядя на уходящего товарища:

– Гостит с весны у меня, почтенный совет пятисот, мой давний друг и родственник по матери, из долины... Серьёзный муж, с весомым словом в родах своих... Застал он события значительные – ну, вы, добрые, знаете какие... С приготовлений к походу живёт в доме моём... Проводил гость в поход на Чжоу брата младшего... Лошадь высокую и оружие старое, проверенное, от предков, для воина дал я...

Совет одобрительно загудел.

– Гость из долины где-то позади меня сидит... – Последовал широкий жест. Но, видно, при рассадке важный гость сместился на другой край. С того края, а не оттуда, куда указывал муж, поднялся сухопарый, крепкого сложения высокий воин с рыжей бородой и рыжими косами, немного за тридцать лет. По облачению – жрец высшего ранга. Встав, гость надел красную остроконечную шапку, приосанился, оперся на жреческий золотой посох.

– Да позаботятся о вас Боги, северные! Рад видеть кровных союзников, хоть вы и не жалуете *рыжих*...

Раздался общий добродушный смех. Два жреца – верховный из северных, что возглавлял мудрецов, и гость из долины – обменялись многозначительными взглядами. Казалось со стороны, жрец северных за что-то серьёзное благодарил гостя. Завидев друга, лысоватый муж поднял в приветствии правую руку и продолжил с виноватым за промашку видом:

– Так, может быть, мой славный гость станет третьим спутником почтенной Адму?

Совет согласно застучал бронзой по земле.

– *Птица величавая какие перья наденет?* На чём и в чём, позвольте спросить вас, добрые северных, отправится бесценная Адму в долину?

К тому вопросу, заданному крепким мужем, схожим с домовитым бобром, солнце скрылось. Темнота быстро накрыла собрание. Огонь подправили хворостом. Зажгли ещё пять небольших костров, по кругу. Не важный, казалось бы, во-

прос про *облачения* послов вызвал меж тем гулкой шум обсуждений.

Вопрошающий счёл нужным уточнить:

– Две породы лошадей у нас. Низкорослые да светлые и славные, высокие, в двенадцати ладонях, гнедые. Поедет Адму тайно, как худая в худом, и без даров, на низкорослых? Но как тогда, позвольте узнать, приличия посольские соблюсти? Достоинство северных по скрытности военного времени не уронить.

Те подробные пояснения были совсем ни к чему. Знатные судили о другом. И то другое вопрошающий, помедлив, огласил. Муж крикнул, приосанился и громко молвил:

– Ранг почтенный Адму надобно втолковать давним союзникам. Так разумею, совет, Адму новый вождь? *Временный вождь* до возвращения из похода великого вождя Таргетая? Ну а вождю северных положены гривна, браслеты от каждого из племён и одеяние, сообразное рангу. На узорные с оленьями наковки вождя, понятное дело, уже и времени нет.

Один за другим совет пятисот поднялся с земли. Все пятисот мужей и дев чинно стоят. Торжественны их лица. Вынув оружие, подняли бронзу к небу, призывая в свидетели серебряную луну.

– Адму – наш вождь!

Глава 3. Поединок Адму

Верховный жрец медленно обернулся к Савлию. Вместе с советом пятисот Савлий поднял правую руку с кинжалом к звёздам. Долго смотрел жрец северных на покосившегося мужа, пока тот не опустил руку.

– Стало быть, достопочтенный Савлий, ты *суждение* переменил? – Морщины у глаз жреца расправились. Он шумно выдохнул, вытянув трубой губы. Широко добродушно улыбнулся. – Ну, тогда займи, дорогой Савлий, положенное место на земле.

– Нет, не переменил, – возразил Савлий чуть слышно, глядя в костёр. Но даже тем, кто и не слышал, по его виду, по виду упрямого бычка, стал ясен смысл ответа.

– Ты же только что, на моих глазах, за почтенную Адму руку поднял. Так? – примирительно произнёс верховный жрец, продолжая сдержанно улыбаться.

– Поднял руку. Да. Жена великого Таргетая, достопочтенная Адму, достойна *ранга вождя*. Не только *временного*, но и постоянного, вождя мирного времени. Вот только не согласен я! – почти выкрикнул последние слова Савлий.

Совет пятисот чинно сел на землю. В отблесках шести костров видны хмурые, даже злые лица.

– С чем же ты тогда, мудрый Савлий, не согласен? – не глядя на упрямого мужа, сурово спросил верховный жрец.

– А не согласен я со *сговором вашим!* – произнёс Савлий с горьким упрёком. – Вы всё сладили ещё до совета пятисот. Раздали выступающим песни. Согласно, хором спели и убедили совет пятисот. Вон вас сколько было-то! Всё как на свадебном торжестве, одно, второе, да за другим поют. То про жениха, то про невесту, потом про их совместные заслуги. Теперь война с таёжными уже как вроде и *решённое дело*. Новый вождь – у вас уже вождь не временный, не мирного времени – а грозный *вождь военный*. И это звание совет мудрых принял. Никто ныне и не помышляет о мирных временах. Вот с чем я не согласен!

– Что ж, дорогой Савлий, пропой и ты *свою песню*. А мы послушаем – про хвалёные *мирные времена*. – Жрец ладонями принялся потирать посох от наверхия-оленя до середины, где поблёскивало бронзовое кольцо. – Ну же, Савлий! Не медли!

Муж шагнул, робко, на полшага. Поднял к луне руки и заговорил:

– Совет пятисот, таёжных убавилось из-за двух войн наполовину. Конечно же, с ними и другие дальние племена севера в союзе. Но тот союз по примирению великого Таргетая распался. Войны не будет. Слабы для тяжких битв таёжные племена. – Савлий опустил руки. Выждав недолгую паузу, продолжил громко: – Прошу же я от вас права посетить таёжных соседей. Если примут веру, особенно с юга тайги, присягнут на верность Табити, повода для войны не будет!

От столь неожиданных слов лица стали задумчивы. Некоторые из совета прикрыли глаза ладонями. Однако иные, по большей части запальчивая молодёжь, криво улыбаясь, без затяжных раздумий уже сложили мнение. Вновь поднялся Раман и запросил слова. Перехватив одобрителный взгляд верховного жреца, рыжеволосый муж громко заговорил:

– Хоть ты меня, почтенный Савлий, и обвиняешь в каком-то там *непонятном сговоре*, скажу тебе напрямик: твой замысел – безумно храбрый. Один поедешь верой в Богов одаривать замирённых? Не знал, что ты удумал и по смерти нас укорять – *дескать, за веру пал!* Безумен твой замысел, потому как *про Богов северных* кочующие таёжные племена давно знают, но тёмных духов тайги на нашу веру до сих пор не сменили. – Рыжеволосый подбочился. Недобро улыбнулся. – И как, скажи мне на милость, ты веру с ними будешь обсуждать? Про три мира сказывать легенды? Савлий, ты знаешь их языки? Да неужто? Но ведь и таёжные иной раз не понимают друг друга! Север и юг, а ещё болотный говор у них. Дозволь узнать, разве ты не знаешь, что Мать-Богиня не разыскивает новых верующих? Не требуются Матери-Богине *насильно приобщённые!* – На этих словах Раман вынул из сумы круглое бронзовое зеркало. – Разве жрецы тебе не говорили, что нет нужды в *свежепойманных* последователях?

Савлий нахмурился. Вытянул правую руку, указуя на зер-

кало предков.

– Мой Раман, скажи, зачем ты вынул зеркало?

– Савлий, я тоже истинно верую в Богов. Не меньше, поверь, чем ты, верую. В суме всегда держу светило. Готов я, как и ты, идти с образом Создательницы Миров, Великой Табити. Но ведь различия меж северными и таёжными отнюдь не в вере сокрыты.

– А в чём же те *различия*? – угрюмо произнёс Савлий.

– Таёжные не держат слова, не ведут долгой дружбы. Всяк имел обманную мену с ними. А как наш скот крадут! – Раман наклонил голову и зло бросил Савлию: – Клятвы нарушать – самое страшное преступление! Так? – Савлий кивнул. Раман продолжил, уже смягчившись: – Но то у нас, мудрый Савлий, а у них-то, у таёжных, попроще. Сказал – и вовсе позабыл. Клятвы на крови для них дело пустое. Так как же верить их словам? То же, что ты намерен им подарить по широте степной души, их недостойно!

– Савлий, ты это... того... – Верховный жрец рукой указал на круг. Снисходительным тоном вполголоса молвил: – *Сядь*. Добрые оценили твою храбрость. Посмотри вокруг, тебе этого восхищения мало? Негоже смуту в рядах достойных поднимать. Ты же ведь знаешь, Савлий, чем закончится твоё стояние у костра?

Упрямец тяжело вздохнул, махнул рукой, понурился, нерешительно шагнул к месту, где сидел, видимо уже намереваясь последовать указанию жреца, да и, наверное, бы

ушёл, но тут вдруг странным голосом провыло, а потом и громко треснуло горящее полено. Сноп искр заиграл в костре. Савлий вздрогнул, остановился. Искоса посмотрел на пляшущее пламя. С того места и заговорил, глядя в чёрную землю перед ногами:

– Дайте мне уйти к таёжным с миром. Не будет новой брани.

Совет пятисот загудел сердитым ульем. Послышались невнятные из-за гула гневные выкрики. С десятков правых рук указало на Рамана, который молча рассматривал сутулую фигуру Савлия в неясном свете костров. Верховный жрец высоко поднял посох. Раман громко заговорил:

– Если бы не знал твоих заслуг по прошлой войне... – молвил он быстро. Савлий же отвернулся к пламени. – Если бы не знал, решил бы, что передо мной *трус*, у которого Боги по старости напрочь унесли разум.

Никто в совете не засмеялся. Многие мудрецы с осуждением зацокали языками. Храброго Савлия за труса не почитали. Однако Раман и не думал оскорблять мужа.

– Три раза ты отбивал наскоки таёжных на своё поселение, ведь так? – продолжил он серьёзно. – Поговаривают, что отряды аж под пять сотен, да всё ночами, ходили скрытно на тебя. Лютые атаки на валах в тумане отбивал ты. Там первый ты клевцом махал – так говорят достойные люди. Спасал ты и соседские поселения от погромов – то я лично застал. О чутье твоём бранном, Савлий, при всех в совете сви-

детельствую, оно как у матёрого волка. Но что с тобой, мой друг, сегодня приключилось?

Савлий не отвечал – видимо, узоры пламени поглотили его внимание. Раман воскликнул весело:

– Савлий, прошу тебя, не ты один упрямый! Мы все ой какие упрямы. Гордимся, что уж скрывать, своим упрямством...

Послышался общий благодушный смех.

– Упрямо держим клятвы! – продолжил Раман, гордо подбоченясь. – Упрямо дружбу сберегаем. Жуны по родству давеча у нас попросили помощи супротив Чжоу. Мы жунам помогли. А ведь могли бы и отказать! Но нет, упрямо нарядились в бронзу...

Примирительный хохот стал громче.

– Савлий, отчего ты невзлюбил дорогую Адму? – Раман подался вперёд, сияясь разглядеть лицо того, к кому обращался.

– Раман почтенный... – Савлий оторвался от созерцания пламени и встретился с товарищем тяжёлым взглядом. – Нет у меня обид на Адму. Не об Адму почтенной тревоги мои. И не о себе пекусь. В войнах с таёжными утратим племя, достаток, да и веру в Богов, нас, неразумных, создавших. Думаю твёрдую держу, что смогу без войны таёжных склонить на нашу сторону. Особенно тех, кто к югу.

– Своим появлением у них ты, Савлий, не только вызовешь презрение к себе, известному герою прошлой войны...

но и к нам, северным. Мы такого сраму, Савлий, не заслужили! А потом, когда ты... *высмеянный ими*... рот откроешь... ускоришь ту войну, от которой нас хочешь уберечь. Савлий, тебя же и убьют. А нам пришлют несчастную твою голову. Понимаешь?

Раман с шумом сел. Савлий остался у костра. Верховный жрец указал посохом на его тёмную фигуру.

– Совет пятисот, выскажемся за настойчивого Савлия?

Никто не поднял руки в поддержку упряма. Савлий горько усмехнулся, словно гримаса боли на миг исказила его лицо. Впрочем, из-за неверного света костра немногие смогли рассмотреть в подробностях настроение Савлия. Ледяной голос верховного жреца стёр печальную гримасу с лица мужа, оставшегося в одиночестве:

– Готов ли ты, Савлий, бороться за звание временного вождя?

Савлий поднял правую руку с кинжалом, спящим в ножах. Снял войлочную накидку. Обмотал левую руку – получилось подобие щита.

– Савлий, назначаю тебе в противники... о нет, не Адму. – Жрец мельком взглянул в глаза решительно поднявшей клевец Адму. – Достопочтенная уже определена советом в важное посольство. – Адму опустила клевец. Посох указал в сторону Рамана. В темноте угадывалось, как поднялись пять решительных мужей и Раман с ними. – Почтенного Рамана назначаю тебе в противники. Да разрешит воля Богов спор до-

стойных!

Раман без промедлений подошёл к Адму. Принял от неё щит, клевец и кинжал, ей же отдал своё оружие. Кинжал Адму, простой, стариной работы, с вырезанной головой тигра на рукояти, в простых деревянных ножнах, Раман не подвязал к бедру, лишь приложил клинок в ножнах ко лбу, что-то неслышно прошептал ему. С тайным смыслом Раман опустил кинжал Адму за пазуху у левого бока. Муж вопросительно посмотрел в глаза девы. Та сняла шлем, за ним и кожаный подшлемный убор, передала Раману. Теперь муж стал похож на Адму. Он бережно вынул висящий на шее амулет – оправленные в золото зубы волка, – страстно поцеловал его и встал с обнажённым оружием напротив покосившегося Савлия.

Верховный жрец отошёл на пару шагов от двух мужей. За ним последовала Адму – с непокрытой головой, обеими руками держа у груди ножны с кинжалом Рамана.

И вот посох мудреца отрывается от земли. Два мужа приходят в неторопливое движение. Неяркие костры освещают танец смертельного поединка храбрецов.

Меж тем похолодало. Поздний осенний вечер отнимает у сидящих тепло, унося его паром во тьму. Но никто не хочет покидать совет. Напротив, словно от палящего летнего зноя, добрые скидывают тёплые накидки, войлочные плащи и меховые кафтаны. Остаются сидеть полунагими и в длинных белых рубахах. Их примеру следуют огромные круги свиде-

телей совета.

Танец мужей стремительно переходит в схватку. Савлий первым бросается в атаку, выставив далеко вперёд кинжал. Рукой с намотанной войлочной накидкой-щитом лоб от клевца прикрывает. Ожидает Савлий только удара по голове. Словно разъярённый медведь, нападает на противника. Раман замирает, уклоняется, заходит вбок атакующему. С силой толкает торцом щита под рёбра Савлия, затем следует короткий взмах правой руки. Чем закончилась короткая атака – неясно...

Мужи быстро расходятся шага на три. Савлий хромает, приволакивая правую ногу. Левую руку, замотанную в войлок, прижимает к правому бедру. Напрасно Савлий ожидал атаки в голову. Раман обманным ударом клевца задел мышцу бедра. Кровь бурым пятном расплывается по штанам Савлия. Приходит время ответной атаки Рамана. Неспешно обходит он по кругу покосившуюся гору. Савлий угрюмо наблюдает за каждым его шагом, поворачиваясь всем телом за Раманом. Противник не спешит. Даже раненый Савлий опасен. Раман останавливается. Пару раз двигает жилистой шеей, слово разминает её перед борьбой.

Неожиданно Раман бережно кладёт у левой ноги дорогой щит вождя Таргетаея... Вынимает из-за пазухи кинжал Адму, обнажает и являет яркой луне. Теперь в левой руке его кинжал, а в правой – клевец. Смотрит хищным жалом в землю кинжал. Решительным шагом устремляется Раман

на Савлия. Савлий отнимает руку от раны и пригибается. Перехватывает левой рукой, что в войлоке накидки, удар кинжалом, но не успевает отбить правой клевец, и оружие мощным коротким ударом пробивает живот мужа. Раман резко выдёргивает кинжал и клевец из тела соперника. Отходит на шаг назад, не сводя с Савлия глаз.

Раненый вздрагивает, белеет, сжимает зубы, подавляя стон. Набрасывается на Рамана и тут же получает удар бронзовым кинжалом в лицо. Раздаётся пронзительный, дикий крик. Савлий роняет оружие. Хватается за окровавленное лицо. Раман без промедления заходит сзади и наносит кловцом противнику смертельный удар в темя. Руки Савлия опускаются. Гора падает на чёрную землю. Окровавленное лицо его угрюмо смотрит в костёр.

Раман поднимает руки к звёздному небу, и только тогда победитель замечает, что левый бок его кафтана сменил цвет и порезан. Савлий всё же нанёс перед смертью удар. Уважительным взглядом победитель проводил побеждённого. Верховный жрец подошёл к Раману, приложил золотое навершие ритуального посоха к ране.

– Совет пятисот, вы узрели волю Богов? Достойный муж Савлий храбро сражался с нашей Адму. Слова его не разошлись с делами. Боги выбрали дорогую Адму. Достойно умер отмеченный муж из совета. Проводим героя прошлой войны Савлия с положенными почестями к предкам. Погребение будет таким, как и положено доброму.

Круг первый с шумом поднимается с земли. Правые руки сжаты в кулаки и подняты к небу. Упрямец Савлий, несомненно, заслужил посмертные почести. Однако молчание продолжается недолго. К тускло мерцающим звёздам летит:

– Адму – наш вождь!

За кругом первым встают тёмными рядами круги добрых и худых. Адму в сопровождении верховного жреца и Рамана идёт к двум перекрёщённым копьям. Под слова молитвы, заглушаемые криками, новый избранный советом пятисот вождь проходит под копиями. Верховный жрец смыкает на белой шее жены Таргетая витую золотую гривну. Три мужа из добрых под руки, бережно придерживая пробитую голову, выносят тело погибшего Савлия. Сухие ветки папоротника и семена кориандра, припасы для ритуалов из парадной сумы жреца, прикрывают пустую глазницу.

Недолгие выборы вождя северных закончены.

Глава 4. Следопыт

– Позволь тебя, знающий муж, переспросить. Без обид.

Следопыт-то кто?

Светловолосый юноша спокойно принимает откровенно насмешливый вопрос верховного жреца. Правой рукой молодой воин указывает на соседа – стоящего молчаливой тенью щуплого подростка, немалого, однако, роста, в непонятных из-за ночной темноты одеждах.

– Совет пятисот, как обещал – вот *мой следопыт*.

Раздаются сдавленные смешки. Следопыт поёживается.

– Ага, теперь ясно. – Жрец демонстративно приложил руку к чёрной бороде, провёл по ней рукой, неожиданно прикоснулся ладонью ко лбу, сдвинул за козырёк островерхий красный жреческий убор на макушку. – *Тёртый следопыт*, сделай милость, уважь собрание – *выйди-ка на свет!*

Снисходительный тон жреца вызвал лёгкий весёлый гул среди пятисот мудрейших.

Любопытные взгляды устремлены на сникшую фигуру. Подросток делает три робких шага. Костёр жадно выхватывает из темноты редкой красоты девичье лицо. На свету нагромождение одежд оказывается ладно пошитыми из шкур бобра просторными штанами, заправленными в короткие сапоги, и курткой, тоже из бобра. За плечами свёрнута и повязана конопляной верёвкой лисья накидка. На голове доб-

ротная шапка из пышных беличьих хвостов. Два из них, серые, как серёжки свисают по вискам. Туго набитые сумы. Дорожная большая – за спиной, завязана замысловатым узлом, парадная – размером с два кулака – висит на ремне, сразу за пряжкой. Обе сумы из бобра, сливаются с курткой. Пояс девичий, узкий, без бронзовых накладок, с костяной резной пряжкой.

Из оружия – странный лук, по виду длинный, по устройству непохожий на короткие несимметричные луки северных, в простом горите из козлиной кожи, с десятком раскрашенных причудливыми узорами стрел. На поясе короткий, но широкий кинжал из бронзы. Дева на манер дорожного посоха сжимает короткое охотничье копьё, по виду, однако, схожее с укороченной пикой северных, с острым тыльником. Грозный тяжёлый наконечник копья укрыт толстым войлочным чехлом. От тыльника ремень для метания стянут праздничным узлом в середине древка, украшенного чёрными и красными волнами.

Шум затих, как только все увидели облачение следопыта. Жрец требовательно посмотрел в загорелое лицо. Да только смущённая дева ищет защитного покровительства у земли. Взгляд опустила, но слова её тверды.

– Ранха имя моё. Из худого рода. Охотой одной живу. Меха добытый на еду меняю. Спалённое поселение охотников на спорной земле с таёжными. Сирота.

– Кто спалил твоё поселение, Ранха? – уже серьёзно во-

прошает жрец.

– Те же, кто и осиротил меня. Таёжные, северные и южные, в сговоре, ещё задолго до первой войны. Ограбили и пожгли. – Дева смогла оторвать взгляд от земли и посмотреть в глаза жреца. В её взгляде нет печали. Голубые глаза непроницаемы. – Ночью на лодках прибыли, пожгли и уплыли поутру.

– Стало быть, личные счёты сводишь с таёжными? – Лениво бросив слова, жрец отвёл взгляд от следопыта, точно не нуждаясь в ответе. Верховный жрец утратил интерес к беседе. Он пытался понять настроение совета, напряжённо взглядываясь в тускло освещённые кострами лица.

И тут неожиданно робость щуплой девы-подростка улетучилась. Она странно зажестичулировала, войлочный чехол легко покинул наконечник копья. Дева взяла обеими руками оружие и протянула жрецу жестом подношения. Голубые глаза исполнились отвагой воителя. Жрец наклонил голову, недоумённо воззрился на дарительницу.

– Добыла на прошлой войне. Поймала у дальних болот троих вражищ. Ягоды собирали, готовили еду. У костров их и положила. Била степной стрелой в глаз, – громко, чуть не крича, протараторила дева-следопыт.

Жрец восхищённо закивал головой. Трёхлопастной наконечник трофея из бронзы не начищен – зелен, массивен и явно очень тяжёл. Размером велик – аж под локоть, похож на длинный пробивной кинжал. У наконечника солид-

ная прочная втулка, в поперечнике он с два кулака. На боевой бронзе грубо отлиты не то крадущиеся рыси, не то тигры. Сидящие зашумели. Ранха заставила жреца принять трофейное таёжное копье, вынула из горита трофейные стрелы – и вручила их тоже.

– Да-да, это тяжёлые стрелы таёжных. Подтверждаю для тех, кому не видно. – Жрец сжал наконечник. Высоко поднял руку со стрелой. Три усика большого наконечника выглядывали из кулака. – Положим, оружие ты нам показала. Ну а где же *трофеи*?

Ответ на этот насмешливый вопрос не замедлил явиться – третьим даром жрецу. Ранха скинула дорожную суму, из недр её вынула странного вида убор – шапку с отворотами, пошитую из четырёх лоскутов жёлтой кожи, бывших ещё недавно лицами.

– Добротное копье, хоть работа и грубовата. Владелец явно из таёжных с привилегиями. – Жрец сложил стрелы у ног и принялся осматривать копье.

Дева-следопыт, горячо и сбиваясь, заговорила, обращаясь к совету:

– Достопочтенные мудрецы, дозвоьте слово недостойное сказать... – Не получив ни разрешения, ни явного запрета, Ранха продолжила: – Знаю, как одолеть таёжных...

Жрец прекратил подбрасывать копье в руках. Насторожился.

– Перво-наперво оружие наше надобно сменить. Не под-

ходят короткий лук и лошади для войны в непроходимой тайге. – Дева вынула свой удивительный лук из такого же странного, угловатого горита. Размером диковинный белый лук больше степного, но меньше длинного, иной раз с рост мужа, таёжного образца. Лук проследовал в руки жреца.

– Сама придумала. Форму *горы* придала. Вот тут, как видите, *вершина* – то верхний мир, тут тетива и, стало быть, по ней, тетиве, наш *срединный* мир живых. Форма дозволительная у лука! Дерзну прибавить: когда стрела в нём под тетивой, то и все три мира в луке появляются. Петь под него незазорно будет.

Жрец одобрительно кивнул удивительной деве.

– Справила лук берёзовый из пяти частей, меж частей рогом марала усилила, жилами стянула. Клеила клеем, сваренным из ценных рыб. Размер лука подгадала под тяжёлую таёжную стрелу, но может и лёгкой, нашей бить. Берестой укрыла. Древки стрел мастерила из сосны. Тростник, понятно, не годится под тяжёлую стрелу. Обломится на раз тростник. На те труды спешные полгода с лишком понадобилось. Туговат, правда... Медленный, сноровка с ним нужна. Но то прощаю ему за бранную силу. Мощней вышел, чем у таёжных. Ход тетивы мягкий. Не дёргается в руке. В том его секрет. Испробовала на костяных доспехах. Раскалывает длинной стрелой нагрудные кости лося. Вглубь смертельно проникает с шестидесяти шагов. Возможно, у стрелков поопытнее моего и со ста получится. Ну а известный доспех,

из кости набранный по-таёжному, на кожаных юбках, навывлет прошивает с сорока пяти шагов... понятно, тяжёлой таёжной стрелой...

Совет пятисот удивлённо зашумел. Таких бронебойных луков никто раньше не видывал. Дева из худых преисполнилась гордостью. Загорелся на щеках румянец. Новоявленный лук жрец отнёс к сидящим мудрецам и пустил по кольцу совета пятисот.

Раман поднялся с дивным угловатым луком.

– Были такие у великой степи. Давно. Показывали мне в золотом краю, в горах, в пещере откровений, рисунки предков. Неудобны те луки под всадников. Для колесниц или пешего боя только и сгодятся. Оттого и забросили их предки, нами чтимые. Мы давно забросили, а перс, говорят, и ныне использует!

– Ой, Раман, ну ты, конечно, видывал всё и всех! И перса тоже лично знаешь!

– Ишь ты! Сразу прибрал себе девичий лук. Вот как крепко стискивает! – Дружеский хохот полетел к звёздному небу.

– Дай интересный лук пощупать, знаток ты наш!

Раман сел. Лук девы поплыл по рукам. От сидящих верховный жрец повернулся к следопыту и скомандовал суровым голосом:

– Продолжай, умная дева! Вижу, тебе есть что нам сказать.

– Доспехи наши, северные то бишь, нужно подстроить под тайгу. Бронза священная хороша, но тяжела. Да и шумит.

Гремит опасно, когда не нужно. Блики пускает, издали в тайге видные. Кость надо нашить на кожу прочную плотной рыбьей чешуёй. Да и покрасить под тайгу. Озеленить и покоричневить... Щиты складные, в рост, смастерить из грубой кожи, многослойно...

Мужи и девы во многих рядах согласно закивали головами. Дева из худых в запальчивости забыла про заведённые порядки. Хлопнула себя крепко по груди и неожиданно выкрикнула:

– *Надо воевать по воде!*

Тут всякий шум стих. Если кто из совета пятисот до этих горячих слов и улыбался надменно, то теперь улыбки сошли весенним снегом. Лица в кругах приняли деловитый вид. Дева повернулась к жрецу. Горячность её сменилась раскаянием, словно нашаливший ребёнок стоял пред мудрым отцом. Жрец махнул правой рукой: *дескать, да говори уж, коли начала.*

– Справим лодки. Спустимся поздней весной вниз по Великой реке. Пожжём поселения таёжные. Дадим главную брань на воде.

Слова девы прозвучали в полной тишине. И Ранха уже спокойным голосом завершила нескладную речь:

– Не ждут от нас таёжные речной манеры. Смеются они открыто над нами. Сильны мы для них только в степи. Больше не сможем их прежней хитростью обмануть, выманить, как великий вождь Таргетай, на нашу равнину. – Дева скре-

стила руки на груди, давая понять, что закончила.

Верховный жрец тронул ладонью бороду, качнул головой и поднял правую руку.

– Как имя твоё, красивая дева? Прости, запомнил...

– Ранха! – тут же хором последовало из рядов. Жрец вновь качнул головой.

– Кто выскажется о серьёзной думе... *известной девы Ранхи*? – Интонация жреца – уважительная, с привкусом лёгкого изумления.

– Северные, дозвоьте гостю из союзной долины слово сказать? – послышался из темноты густой бас. Юноши подсветили факелами говорившего. Рыжеволосый жрец из гостей поднялся во весь немалый рост.

– Говори, говори, говори... – полетело шумно в ответ.

– Неважно, хозяева почтенные, *кто* именно слово держал – так думаю. Дева какая известная или добрый муж при заслугах, знатный иль худой, но с опытом по брани проверенным. Возможно, то боги-покровители к нам снизошли? Выбрали уста простой Ранхи для подмоги нам? Может, и не она сейчас с нами говорила вовсе? А может, то сам могучий Бог Войны нас, недалёких, вразумляет? Приносит нам, людям северного союза, дар через неё... – Жрец слегка помолчал и продолжил: – Щедрый дар через *деву робкую*... На то указывают малые приметы. Вы только взгляните на шкуры её походной одежды – из бобра. Потом на убор её, из трофеев пошитый. – Гость выждал паузу. – Мы ведь праведно дей-

ствуем, с жертвами, молитвой и верой! Боги нам и покровительствуют. Не будем гордыню глупую упрямо являть!

Жрец с почтением указал на юного следопыта. Ранха скромно опустила красивую голову.

– Обсудим, мудрый совет, дерзновенный замысел умной девы Ранхи. Коли есть в её думе мудрость, надобно принять. Нет – отринуть. Я же считаю, что воевать нужно с таёжными *по-таёжному!* Хватит их выманывать на живца, уж больно много на то времени и сил уходит. Да и потери ох какие ощутимые. Убыль людей сердце горько сжимает. Таргетай великий научил таёжных избегать открытой равнины. Долго учил. Знают теперь, что от конных им на лугах не спастись. Второй раз нам их из тёмной тайги не выманить. Что ж, так и будем опять с малыми бранными отрядами да по ночам... и всё у наших-то поселений, на нашей земле биться?

Важный жрец-гость медленно сел. Чинно оправил парадные одежды. Не сговариваясь, совет пятисот поднял правые руки к мерцающим звёздам. Тайные задумки следопыта Ранхи одобрены. Последним поднял посох верховный жрец. Он же и огласил решение.

– Вот что, изобретательная *дева-следопыт...* – Задумчивость зазвучала в голосе верховного жреца. – Лук новый, копьё трофейное и, понятное дело, таёжные стрелы ты нам оставь. Надобно поразмыслить над свежим оружием. То, что ты без ведома нашего искала безупречное для таёжной брани оружие, одобряем. Поступай так и впредь! Твори ради пле-

мени. Таёжных пробовали на вкус. Вкус их нам хорошо известен. Ты не одна тут с опытом лесных схваток. Проверим твой чудной лук на трофейных доспехах. Так понимаю, ты ещё что-то утаиваешь от нас, *почтенная Ранха?*

На повышение ранга дева подняла благодарно правую руку.

– Простите меня, худую, за дерзости, что наговорила вам... Нет у меня достоинства, чтобы волю вам, мудрым, нагло показывать... Только об общем деле пекусь, не за славу мимолётную для себя... – говорила красная лицом Ранха с дрожью голоса. – Главное не сказала, простите, в спешке. *Духов тайги нам бы на свою сторону переманить, тогда и завоюем победы!*

– Что ещё сокрыто в твоей суме, хитрая дева?

Вопрос был задан как будто из любопытства. Но праздных вопросов на важном совете племени не задают, и дева-следопыт, похоже, была готова отвечать всерьёз. Ранха вынула из сумы три сосуда. Стремительно подошла к жрецу. К ногам сидящих легли в крайней спешке деревянная чаша, глиняная глубокая миска и кубок из рога. Разложенное Ранха быстро переставила: глина оказалась перед деревом, а кость в конце линии.

– Стало быть, к бранной смерти ты готова?

Ранха подняла правую руку.

Жрец поднял ритуальный посох высоко над головой. Совет пятисот, шурша парадными одеждами, позвякивая бое-

вой бронзой, поднялся с земли. Примеру мудрейших последовали и остальные молчаливые круги. Согласие воцарилось в рядах северных. Без споров дума Ранхи принята. Под торжественный выкрик жреца: «Сменим лошадей на лодки?!» – правые руки взметнулись к звёздам. Той же ночью секретное посольство в долину покинуло Великие стены Севера. Ранха повела тропами караван на оленях. На мужском поясе Адму висел неожиданным гостем кинжал Савлия – уже в дорогах, кожаных, украшенных цветными камнями ножнах.

Глава 5. Встреча у озера

Пять дней спустя

– Совет пятисот удался нам. Адму дорогая, но за чьи интересы хлопчешь? Ради нас стараешься али как? – Проговорив давно обдумываемое, Полакка протянул глубокую миску с кислым кобыльим молоком вождю.

Адму, в крашеной зелёной шубе из соболя, приняла напиток, двумя жадными глотками осушила миску и протянула пустую Полакке. Тот наполнил снова. Дева-вождь северных собралась было что-то сказать склонившемуся над ней Полакке, как вдруг на поляне, окружённой могучими кедрами-великанами, показалась Ранха. Её лицо, по обыкновению непроницаемо-суровое, теперь выражало обеспокоенность. Ранха встала перед Адму и Полаккой, глянула на жреца, лежащего на шкурах с закрытыми глазами и раскинувшего в блаженстве руки, и указала на север.

– Двое, таёжные. Только двое. Муж лет тридцати, выше меня на голову, и подросток лет двенадцати, мне по плечо. По виду охотники. Два лука, копьё. Доспехов и щитов нет. При них лодка. Что делать?

Жрец мгновенно поднялся с лежанки. Молча раскрыл расшитый узорами горит, что почивал по правую руку, вынул короткий лук. Из дорожной поясной сумы достал тетиву

и быстро натянул. Надел костяной напёрсток для стрел. Его примеру последовали Адму, Полакка и Ранха. Тростниковые стрелы с листовыми бронзовыми наконечниками изготовились к бранному труду. Четыре тени в кожаных доспехах тихо проследовали меж спокойных кедров к шумной реке.

Двое мужчин грелись у костра, сидя на выбеленном стволе дерева. Некогда могучее украшение тайги стало жертвой игривой реки. Поток вырвал с корнем огромную сосну, вдоволь наигравшись, переломав ветви и сорвав кору, выбросил на песок. Давно погибшее величественное дерево лежало корнями к кедром, поломанными руками-ветками укоряло могучую реку. Взоры мужчин были беспечно устремлены в сторону реки. Тот, что постарше, сторбившись, устало вытянул к огню ноги и сосредоточенно ел. Подросток много говорил, размахивал руками, в которых сжимал обглоданные рёбра, и часто смеялся. Его залиvistый хохот был слышен сквозь шум реки. Над костром на жерди-вертеле красовалась хорошо прожаренная туша кабана.

– Эй вы, двое! Встать!

Гладкий речной камешек ударил по темени одного из пирующих. Мужчина вздрогнул всем телом, вскочил и обернулся. Подросток опустил руки, повернул голову.

– Таёжными будете? – Клевец в руке Адму хищно поднялся к левому плечу. Властным голосом она словно бы вела допрос на суде.

Муж обвёл взглядом кедровый лес, тяжело выдохнул

и опустил глаза. Подросток встал.

– Сядь! – послышался резкий приказ. Мальчик понуро повиновался.

– Мы таёжные... – заговорил печально муж, не поднимая головы.

– О! Да ты и наш язык понимаешь. – Адму изготовилась к атаке. – А что ты, таёжный, не видел наших оленных камней?

– Видел камни ваши с узорами...

Муж нехотя оторвал взгляд от земли, хмуро посмотрел во враждебный лес, из которого не спеша выходил Полакка. Бронзовый наконечник стрелы игриво поблёскивал на солнце. В десяти шагах от Адму Полакка вложил стрелу в зубы, повесил лук на плечо, из-за пояса его показался обнажённый железный клевец. Полакка шагнул к костру, глянул в огонь, выдернул из ножен подростка короткий кинжал. Подошёл со спины к таёжному мужу, поднял зачехлённое копьё и пронзительно свистнул в небо. Из-за кедров показались Ранха и жрец.

Крепкое таёжное копьё угрожающе ткнулось в рёбра прежнего хозяина. Муж поморщился, но рта не раскрыл.

– На колени, таёжные! – приказала Адму.

Незванные гости упали на колени, подняли к небу руки. Минута – и оба горе-охотника лежали возле костра, туго связанные конопляной верёвкой.

– Ранха, вернись на поляну, прибири.

Адму с силой наступила меховым сапогом на грудь подростка. Заглянула в его испуганные глаза. Муж с кляпом во рту гневно замычал. Дева-следопыт подняла правый кулак, повернулась и пустилась бегом. Клевец заснул в подвязке на поясе Адму, но кинжал в её руке принялся рисовать странные фигуры, от глаз мужа до глаз подростка.

Дева-вождь обернулась. Встретилась взглядом с насмешливыми глазами жреца из долины.

– Помнишь, достопочтенный, владельца этого кинжала?

В ответ жрец широко улыбнулся и кивнул. Вождь северных глянула на связанного таёжного мужа.

– У нас, враг мой, был славный Савлий, который хотел... – Адму сняла ногу с груди подростка. – То, что Савлий хотел, мы и испробуем на вас двоих.

Адму приложила губами к кинжалу, что-то прошептала ему и убрала в ножны. Медленно раскрыла дорожную суму. Вынула бронзовое зеркало. Обернулась к светилу, показала зеркало полуденному солнцу.

– Так вот, таёжные воры... – Зеркало нависло над лицами связанных охотников. – Хотите ли вы, нарушители наших границ, перед смертью принять веру нашу? – Не дожидаясь ответа, гневным шёпотом бросила: – Закрывать глаза, если примете мои слова!

Подросток быстро повернул лицо к зрелому мужу. Приподнял голову, силясь разглядеть глаза, прикрытые косами. Таёжный муж плотно смежил веки. Подросток последовал

его примеру. Адму обернулась к жрецу, тот поднял густые чёрные брови.

– Савлий пока что прав... – Адму осторожно вынула кляп изо рта зрелого мужа. Заговорила тоном допроса: – Что у меня в руках?

Таёжный указал взглядом на светило. Полакка и жрец, не сговариваясь, хлопнули в ладоши.

– Да ты ещё и сметлив! – Адму одарила мужа надменной улыбкой и указала на золотую гривну. – Что у меня на шее?

Таёжный муж слегка задумался и неуверенно произнёс:

– Ранг в племени? – И уже увереннее добавил: – Ты *вождь северных племён!*

– Целуй!

Зеркало приблизилось к лицу охотника. Таёжный муж приподнял голову и звонко поцеловал наполированную бронзу. Зеркало проследовало к губам подростка. Тот замычал.

– Ах, да... – Адму вынула кляп.

– Мой вождь, ты славный уговорщик, – молвил довольным тоном жрец за спиной Адму. Она быстро обернулась. – Дозволь мне продолжить? Ой какие серьёзные намечаются дела.

Получив зеркало, жрец почтительно коснулся бронзой плеча вождя северных.

Адму перешагнула через подростка и села ровно на то место, где ранее сидел таёжный муж. Наклонилась, подня-

ла речной камешек, отёрла его от пыли и спрятала в суме. Из ножен показался кинжал.

– Мой вождь? – Полакка, завидев приготовления Адму к трапезе, решительно зашагал к ней, вонзил копьё в землю, срезал три тонких и длинных куска мяса с кабаньей ноги.

– Хорошо приготовил еду, – не оборачиваясь к пленникам, бросила Адму. Рука её погладила выбеленный ствол поваленного дерева. – И место нагрел. Мёртвым деревом костёр растопил. Дерево, дерево ты...

На тех словах жрец добродушно улыбнулся, протёр зеркало от влажных следов поцелуев кожаным нарукавником доспеха и заговорил торжественным тоном, пристально глядя в глаза зрелому мужу:

– Повторяйте за мной... – Таёжные закивали. Полакка, срезав добрый ломоть мяса с ноги кабана, показал еду жрецу. Тот улыбнулся. – Верую в Богов...

– Веруем в Богов! – бодро подхватили пленники.

Жрец остановился, посмотрел в затылок Адму. Та, не оборачиваясь, подняла правую руку. Жрец продолжил:

– Веруем в три мира. Верхний мир, что для Богов светлых, средний мир, что для людей, и нижний мир, что создан для Богов тёмных и ушедших... предков и духов!

Без запинки и без ошибок таёжные охотники вторили словам жреца. Закончив с обращением связанных, жрец передал зеркало вождю и, с благодарностью приложив правую ладонь к груди, принял от Полакки ломоть мяса.

– Кто он тебе? – Жрец указал на подростка.

– Сын. Единственный. Благодарю за подаренное, – твёрдым голосом негромко отозвался охотник.

– Только волею вождя северных ты познал сокровенное. Я бы никогда... – Жрец смерил равнодушным взглядом подростка и принялся за еду.

– Мне есть что вам сказать, вождь, жрец и знать... – неожиданно заговорил таёжный муж.

– *Напоследок?* Это ты, таёжный вор, забыл добавить? – резко оборвал его речь рассерженный Полакка.

– Да-да, *напоследок*, – мрачно откликнулся таёжный охотник и замолчал.

– Пусть говорит, – не оборачиваясь, едва слышно уронила Адму. Полакка срезал три тонкие полоски мяса и протянул вождю.

– Мы не будем воевать с вами...

Нет, совсем не таких слов ожидали добрые северных. Мольбы о милости – возможно, слёзных уговоров, речей сожаления о своих осиротевших семьях – но никак не слов, созвучных с собственными тайными думами. Все трое одновременно посмотрели на лежащего таёжного мужа. Завладев общим вниманием, пленник заговорил неспешно, тщательно подбирая слова:

– Мы не порушим мира с вами. Не ищите союза против нас с долиной. Юг тайги – с миром для вас. Юг не ссорился с вождём Таргетаем во вторую войну.

– Откуда знаешь, что мы *послы*? – Полакка покинул почётное место возле вождя и встал над связанным. Словно грозовая туча, навис с обнажённым кинжалом. Жир с брони оскорбительно закапал на кожаную куртку таёжного.

– Вы же в долину идёте? То, что сейчас сказал, – не только мои слова, но и думы добрых таёжных. – Связанный утратил страх, его голос был ровен и твёрд. Подросток же плотно закрыл глаза и сжался, словно ожидая побоев.

Полакка задумчиво посмотрел в глаза Адму.

– Я проведу вас к нашим вождям. Я проведу вас в зимнюю ставку таёжных. Поговорите с вождями, перед тем как разрушить мир. Поговорите честно. Без обид для нас. – Таёжный муж не просил, но с достоинством предлагал.

– Ты что, *вор*, никак с нами *торг дерзко ведёшь*? Видно, позабыл, где мы тебя, *красоту таёжную*, отловили? – не отрывая взгляда от Адму, надменным тоном бросил сквозь зубы Полакка. Рука его потянулась к клевцу на поясе. – *Обмена не будет!*

– Вор и торговец! Нагловата жизнь выторговываешь. Щас развесим тебя на кедрах – вот и весь сказ. Ты и твоя поросль пойдёте на корм птицам. – Жрец из долины подбоченился и легко засмеялся. Полакка смех союзника поддержал. Только в его хохоте слышалась злая гордыня.

Полакка вонзил кинжал в тушу, развёл в стороны руки, хлопнул себя по бёдрам. Добавил скороговоркой, глядя в глаза жрецу и оскорбительно указывая левой рукой на свя-

занных:

– Ну ты только посмотри! Добыл нашего вкусного кабана! И хотел *единолично* съесть, у нас же *в гостях*, не спросивши *согласия хозяев*.

Адму высоко подняла правую руку. Полакка одной рукой резко выдернул из кабана кинжал, другой крепко сжал бронзу, что спала в ножнах на поясе, но почему-то не вынул клевец. Вождь северных поднялась с дерева, обошла сухой ствол с торчащими обрубками давно безжизненных ветвей и встала над связанными.

Глава 6. Медведь и тигр

– Неужто славный Савлий во второй раз оказался прав? – Адму нахмурилась и, прищутив глаза, посмотрела на покрытый жиром кинжал Савлия в руке Полакки.

– Ты что делал на наших землях? – Допрос продолжился. Адму сжала кулаки. – *Разведку хитро вёл?*

– Медведя добыл у границы. Но то наш медведь, таёжный. Я по следу тигра ходил. В азарт вошёл, ну и... обманул камни ваши. Тигра у реки потерял. Кабана да, добыл... у вас... в зарослях речных. Вина моя... по азарту охотничьему... Хотели возвращаться сегодня, и тут... – с раскаяньем произнёс таёжный. – Но догляда какого хитрого за вами не было! Никак не в разведке бранной мы...

– Ну, это мы поняли и без твоего лепета. – Губы Полакки сложились в презрительную усмешку. – Ты из худых, подлый торговец, будешь? Каким обычаем упокоевать будем тебя? Нашим или таёжным?

– Я – воин! – с гордостью проговорил связанный. Полакка и жрец засмеялись. Нелепый вид связанного по рукам и ногам «*таёжного торговца*» не вязался с столь храбрым званием.

– Чем слова пустые подтвердишь? – через плечо Адму недоверчиво заговорил Полакка.

– Под одеждами на шее амулеты воина тайги, – с той же

гордостью продолжил поверженный «*торговец*».

Полакка наклонился, просунул руку под одежды пленного, что-то потянул и вынул амулет. На ремешок из чёрной кожи между четырёх волчьих клыков нанизаны три треугольника из жёлтой кости. На треугольниках глубокой насечкой известный таёжный узор – наклонная волна воителя.

– Из убитых воинов смастерил? – спросил Полакка.

«*Таёжный торговец*» плотно закрыл глаза – «да».

– А возьму и закрою кляпом рот? Как будешь торговлю вести, проверенный *воин*? – беззлобно проговорил жрец из долины.

– У тебя есть *смесь для обрядов*? – Адму посмотрела на смеющегося жреца.

– Для *посвящения*? – уточнил посерьёзневший жрец. Адму кивнула. – В торбе, на поляне. Сходить?

Адму хитро улынулась. Подошла к Полакке, что-то зашептала на ухо, он кивнул и обратился к недоумевающему жрецу:

– Думаем, как кабана до поляны снести. Следопыта надобно покормить. Голодная дева.

Жрец понимающе и очень хитро прищурил глаза. Присел на корточки. Быстро развязал «*таёжного торговца*». Сделал шаг назад и вынул клевец из ножен на поясе.

– Почтенный Гнур, жрец из долины, тебя, *наглого нарушителя границ*, уважил, но ты не свободен. Повторю тебе: Гнур – имя его, – заговорила угрожающе Адму, глядя свер-

ху вниз на таёжного мужа. – Твоё оружие, твоя лодка, шкуры и твоя жизнь принадлежат по праву нам. Твой сын тоже наш должник. Сейчас ты встанешь и медленно снимешь одежды. Потом то же сделает твой сын. Голыми понесёте кабана на поляну. Тебе всё ясно, таёжный воин?

Муж выполнил в точности приказ Адму. К её ногам легли: пояс, схожий с верёвкой, сложный плетением из кожи трёх цветов, на концах пояса – шарики из кости; высокие сапоги со шнуровкой, из шкур оленей; штаны из козьих шкур, мехом внутрь; куртка до середины бёдер, пошитая из медвежьих шкур тем же манером; зелёная тканая рубаха с красным вышитым узором на рукавах и понизу. Оружия в одеждах не оказалось. Подросток тоже угрюмо сложил свои, схожие с отцовскими, но сильно ношенные, в заплатках, одежды, явно с чужого плеча, лишь подогнанные под рост.

– Слышь, доблестный воин? – Полакка пренебрежительно указал на одежды подростка. – Ты почто так сына, да ещё и *единственного*, лихо приодел? Себе-то справил ладные штаны. А на его одеждах... места живого нет. Заплата на заплатке.

– Традиция у нас такая таёжная. Одежды геройски почившего на поросье справлять. – Муж не стеснялся своего обнажённого вида, не пытался прикрыть причинное место руками. Говорил же глядя поверх голов, в ясное голубое, с кудрявыми облаками небо. – На сыне одежды брата моего старшего. Брата убила ваша одноглазая храбрейшая дева, у бо-

лота... в двадцати днях пути отсюда.

– Хорошая традиция. Надо и у нас такую завести. А то почём зря одежды покойных на поминальных тризнах сжигаем, – проговорил словно бы про себя жрец из долины.

– Это он про *мать Нети* говорил? – Адму вопросительно подняла брови.

– Похоже, сказывал про неё и про её последнюю битву у гиблого болота, – хриплым голосом отозвался Полакка. – Тогда мать Нети со своей тысячей положила две тысячи таёжных. Там и нашли её отряд, у болота, пирующим. Как сказывали потом вестовые, они поедали...

Однако договорить Полакке вождь северных не дала. Резким жестом приказала встать с земли обоим посвящённым. «*Таёжный торговец*» медленно поднялся с колен. Теперь на нём из облачения остался один только амулет воина. Нагота явила северным ровный шрам на рёбрах и на левом плече – глубокой ямочкой, как от стрелы. Спина таёжного мужа оказалась чиста.

– Кажется, твои слова о том, что ты воин, не так пусты, как твои обещания мира. – Гнур тыльником клевца ворошил одежды, ища утаённое оружие.

Подросток вскарабкался на величественный кедр, перекинул степную конопляную верёвку через толстую ветку. Его отец закрепил сложным узлом за скамью лёгкую кожаную лодку, и совместными усилиями таёжный чёлн исчез из виду, остановившись в густых ветвях.

– Полакка, ну что, не видно с реки лодку?

Расхаживающий по берегу Полакка поднял руку.

– Если только заранее знать, куда смотреть надобно, тогда увидишь... Костёр бы потушить. Ранху отправим прибраться за таёжными торговцами?

Знатный из северных никак не хотел переменить надменное отношение к новообращённым. Из-за его широкой спины показалась плётка. Адму выставила левую ладонь. Полакка повиновался, спрятал плётку за пояс. Это заметил таёжный муж, стоящий под кедром в ожидании дальнейших указаний вождя.

Адму снова оглядела шрамы мужа, вернулась взглядом к выбеленному мёртвому дереву. Пощёлкала языком, о чём-то раздумывая.

– *Друзья...* – От такого неожиданного обращения «*таёжные торговцы*» вздрогнули. – Несите кабана на поляну. Гнур почтенный вам дорогу укажет. А мы, – Адму подмигнула Полакка, – пойдём позади вас.

– Уже и *друзья*? – прошептал шутливо Полакка в спину Адму. Та обернулась и улыбнулась сдержанно.

Процессия – нагие «*друзья-торговцы*», жрец Гнур, поигрывающий клевцом, Полакка с расчехлённым тяжёлым копьём, наострённым в спину подростка, и Адму позади всех с кинжалом Савлия в правой руке – быстро одолела недолгий путь до поляны.

Посреди поляны, с небольшим уклоном к реке, был вы-

ставлен лёгкий походный, простоватого вида шатёр, без штандарта, составленный из шести жердей, закрытых лоскутным полотном из разновеликих обрезков тёмных шкур. Вокруг шатра десяток холёных оленей щипали траву, при них отдыхали три огромных чёрных косматых молчаливых пса. Позади шатра тремя аккуратными кучами лежали перемётные дорожные сумы с поклажей, там же попоны, конская сбруя, сёдла с узорами. У входа в шатёр выставлены возле трёх расчехлённых копий бранным охранним рядом три щита высотой, наверное, до подбородка, без узоров, прямоугольные, по-северному, закруглённые сверху.

Едва чинная процессия с аппетитно пахнущим кабаном вступила в границы поляны, как из-за щитов показалась Ранха, а за ней девочка лет десяти, со светлыми соломенными волосами, заплетёнными в косы. У обеих светловолосых дев в руках короткие степные луки с вложенными стрелами. Жрец помахал дружелюбно левой рукой, луки опустились к земле, но девы не вышли навстречу, остались за щитами.

– Даитья, выйди!

Девочка охотно повиновалась зову матери. Быстро зашагала с луком и вложенной в него лёгкой тростниковой стрелой. На ней синее шерстяное платье-рубашка до полу, меховые сапоги, пояс с золотой пряжкой, озорно поблёскивающей в лучах солнца. За девочкой последовал преданной тенью один из трёх псов-сторожей, видимо вожак собачьей стаи. Косматый на бегу с интересом всматривался в кабана,

плывущего в ароматах к шатру.

– Путь изменился, моя Даитья. Эти воины вызвались проводить нас к вождям тайги. – Адму говорила с дочерью как с равной, тоном торжественным и важным. – Выйдем по-сольством к таёжным?

– Да, мой вождь. – Даитья сурово поджала губы. Никаких возражений, никакого страха, лишь твёрдый взгляд серых глаз. Подняла к небу лук и стрелу в правой руке. Дочь Таргетая так похожа на мать. Хоть и мала ростом, видом горда.

– Мой волчонок. – Адму сдержанно улыбнулась. Поощрительно похлопала дочь по плечу. Девочка по-своему восприняла похвалу – гордо подняла голову.

– Ранха, там у реки одежда и шкуры...

Продолжать Адму не понадобилось – Ранха вложила лук и стрелы в горит и исчезла среди кедров.

– Что, мужи таёжные, готовы к посвящению? – Гнур с видимым сожалением проводил взглядом румяную тушу кабана и принялся развязывать узел на дорожной суме. Казалось, его совсем не интересовало предстоящее действо.

– Прикрыться бы чем? – осторожно поинтересовался таёжный воин. За его спиной вальяжно разлёгся крепкий чёрный пёс. Положив голову на лапы, он неотрывно следил за гостями.

Гнур не откликнулся. Из сумы показался сначала один, а затем и второй кiset размером с три добрых кулака каж-

дый. Оба кисета туго набиты припасами. Жрец поднял глаза на таёжного мужа, смерил его с головы до ног, повёл челюстью и принялся ссыпать тёмно-коричневый порошок из первого кисета в деревянную миску, что-то невнятно бубня под нос. Туда же проследовала щепотка зелёной смеси семян и сушёных листьев из второго кисета, помеченного белой полоской. Лицо Гнура приняло мрачное выражение.

Неожиданно посреди важных приготовлений жреца из-за кедров со стороны реки послышались протяжный медвежий рёв и краткий рык тигра. Псы вскочили с пригретой солнцем травы. Оскалились и зарычали. Олени подались за защитой к людям. Адму выдернула из рук Полакки тяжёлое трофейное таёжное копьё и чуть не насильно всучила нагому мужу, прежнему владельцу оружия. Муж округлил глаза, но принял своё копьё, посмотрел в глаза Адму и бросился со всех ног на звуки. Второе копьё, степное, для конного боя, досталось обезоруженному Полакке. И тот без промедления последовал вдогонку за *прытким «таёжным торговцем»*. Рослый муж бежал по-бранному, пригнувшись, словно укрываясь от невидимых стрел. Подросток сел, скрестил руки на груди в напряжённом ожидании.

Рёв матёрых зверей не смолкал. Напротив, судя по всему, схватка становилась неистовой. Рычание собак и волнение оленей нагнетали тревогу ожидания. Гнур отложил в сторону жреческую миску. Встал. Деловито тронул ладонью чёрную бороду. Выдернул третье копьё из влажной земли и напра-

вился широким шагом в кедровник. Однако им тоже овладел охотничий азарт, и, позабыв важность чина, как мальчишка, подскочив под новую порцию звериной ярости, он понёсся неудержимым галопом с копьём наперевес.

– Лошадь перегонит наш Гнур! – усмехнулась ему в спину Адму. Повернувшись к дочери, уже серьёзно проговорила: – То, Даитья, дочь моя, нам знак от Богов. Постигнуть надо волю их. Ты разумеешь? – Адму указала правой рукой по направлению звуков брани.

Девочка встала рядом с нахохлившимся и оскалившимся псом, вложила стрелу в лук. Задумчивость вождя северных продолжалась недолго. Тут же, припомнив что-то, Адму в сердцах хлопнула себя по лбу.

– Там же у реки *Ранха*!

И вот четвёртое копьё в умелых руках. Лишь одно, пятое, осталось сиротливо стоять без хозяина возле повалившихся щитов. Чёрные с красными глазами змеи обвивали холодное древко.

Глава 7. Посвящение

– На меня поохотиться захотели! – Смеясь ласковым девичьим смехом, из-за исполинских кедров появилась Ранха.

Чёрный пёс, перестал рычать, весело завилял обрубком хвоста, вприпрыжку побежал навстречу хозяйке. За ним наперегонки заспешили ещё два четвероногих сторожа. Так в окружении стаи собак, с дорожными кулями таёжных за спиной, держа в руках пустой горит с луком, Ранха предстала перед вождём.

– Стало быть, – Ранха сложила к ногам Адму кули, перетянутые таёжной верёвкой, – отбыла к реке. Сразу скажу: костёр не стала тушить – напоследок оставила. Уложила одежды, шкуры, луки с колчанами. Собралась было взвалить на себя пожитки таёжные. Стою и думаю: *одну ходку сделать или две?* Нет, думаю, в одну будет тяжеловато. Припасы у таёжных солидные! Даже ягода болотная припасена. Как только их лодка не потонула? Тут выходит медведь, мужского звания, на меня. Без любопытства вышел, уже с намерением. Сел, поводит головой, разнюхивает запах кабана, возможно, ещё кого унюхал, ну и, понятно, меня... Ветер от реки к нему... – Ранха села на щит. – Упитанный такой, к спячке приготовился. Пятилетний, наверное. Я в реку подалась, изготовилась пустить стрелу. Стрелы лёгкие, тростниковые. Бить надо в глаз. Попала, как и намеревалась, по касатель-

ной, в левый. Медведь замотал головой, от раны обезумел. Зарычал – и уже на меня... Я за вторую стрелу. Буду последний глаз слепить. Эх, успеть бы до его атаки. Как вдруг...

– Тигр? – предположила Адму.

Ранха закивала. Сказ следопыта завлѣк двух юных слушателей. Чуть не открыв рты, девочка и мальчик впились глазами в Ранху.

– Но сначала объявилась белка...

Адму от неожиданности засмеялась.

– Прыгнула с ветки на ветку. Обронила орешки и смотрит на нас. Ей-то что до нашей с медведем драки? Медведь белку любопытную не приметил. Сразу после белки вышел тигр. Голодный такой. Заговорил нахально с медведем. В глаз смотрит и взгляд не отводит. Без уважения к раненому бурому на меня права предъявил. Медведь-то покрупнее тигра – развернулся и с ходу набросился на полосатого. Кутерьма образовалась. Рычат, режут, лапами машут, кусают друг дружку. И всё вот это за меня, худосочную?! Вы же не наедитесь костями моими, звери! Нашли что делить! Стою я, значит, по пояс в воде...

Только теперь Адму обратила внимание на мокрые одежды Ранхи.

– ...Думаю: *плыть или не плыть по реке?*.. Тигр хоть и поменьше медведя, но даже злой, с голоду, что ли? Серьёзно отвечает, до кувырков дошло, в клочья рвѣт медведя полосатый. Тут мужи и подросли. В пылу брани звери пропустили

желающих в драке поучаствовать. Обоих драчунов положили там же. Голый муж бил медведя. Умело под лопатку сразил. Жрец и Полакка с двух ударов усмирили тигра, он под медведем оказался и утечь не успел.

– Ты одежды смени. Есть перемена? – Адму протянула правую руку Ранхе. – Могу тебе синих нарядов знати выдать.

Ранха с шумом выдохнула. Приложила руки к груди, потом – ладонями к Адму.

– Благодарю, мой вождь. – Ранха приняла протянутую руку. Встала. – Ой, да только духи тайги возьмутся шутки шутить со мной... как с *незаслуженно* нарядившейся знатью.

Ранха зашла за шатёр, где едва слышно зашуршала одеждой. Из-за могучих великанов показался нагой «*таёжный торговец*». Муж волок огромную тушу – поверженный медведь, раскинув передние лапы, постукивал мордой по камням в траве. За таёжным мужем вышел Полакка, с довольным видом неся на плечах тигра. Кровь из ран зверя украшала бранные доспехи. Показался Гнур с тремя окровавленными копьями, закинутыми снопом на плечи. Гнур громко распевал хвалебную песню.

Завидев Адму с копьём, Полакка издали торжествующе прокричал:

– Уже третий раз хожу под речными кедрами! Не напрасно хожу!

– Следопыт удачу приносит! Дева, без сомнений, любима Богами! – поддержал ликование Полакки Гнур.

Лишь *«таёжный торговец»* воздержался от проявлений радости. Туши легли подношением к ногам вождя северных.

– Хорошее предзнаменование, мужи! Что скажете? – Адму подняла лицо к светилу. Закрыла глаза.

– О том и толкуем, мой вождь!

Полакка направился в шатёр и затих. Раздался слабый девичий вскрик: *«ой!»*. Жрец широко улыбнулся, обнажив белые зубы, Адму открыла глаза. Через мгновение из шатра показался Полакка с тремя ножами.

– Ох, хороша! Хороша! – Полакка подмигнул Гнуру, тот иронично подмигнул вождю.

Гнур принял за рукоять предложенный бронзовый нож. Полакка присел у тигра. Протянул уважительно правой рукой железный нож *«таёжному торговцу»*.

– А мне, стало быть, нож не принёс? – наигранно обиженно бросила Адму Полакка.

– Мой вождь, прости... не по умыслу...

Полакка перестал разделявать тигра и попытался встать, но Гнур положил руку на плечо друга и поднялся первым. Скорым шагом прошёл за шатёр, откуда снова раздалось *«ой!»*. Громкий хохот Адму и Полакки стал ответом на вскрик. *«Таёжный торговец»* отвёл взгляд от туши медведя.

– Да, запомятовал я... – Появился смущённый Гнур с ножом. За ним вышла красная лицом Ранха, в сухих одеждах.

– *Запомятовал?* – недоверчиво потянул Полакка. – Ага.

Хохот опять накрыл поляну. Теперь в четыре пары рук две туши быстро свеживались и разделявались. Шкуры тщательно зачистили, натёрли драгоценной солью и растянули сушиться на тонких жердях.

– Такой конец нас ждёт? – внезапно посреди хлопот громко изрекла Адму. Не сговариваясь, охотники повернули по-серьёзневшие лица к вождю северных. Адму каждому заглянула в глаза. – Сцепимся с таёжными, как этот медведь с этим тигром, а на нас нападут другие племена? И нас, дерущихся за добычу, – в спину? Так, что ли?

– Да-да, – печально согласился жрец. – Два зверя – примета от Богов. Пророчество нам.

– У таёжного торговца отличный удар. Медведь шёл за последней трапезой перед спячкой. Вес уже, считай, нагулял. – Полакка высокомерно-снисходительно потрепал по плечу нагого мужа. Вернулся взглядом к жрецу и с насмешкой в голосе спросил: – Ты про каких *двоих* толкуешь, почтенный Гнур? Про тех, кого *освеживали*? Или про тех, кого *раздели*?

Гнур резко встал. С окровавленным ножом в руке направился к миске, поднял её, посмотрел на «*таёжного торговца*» и стал отсыпать содержимое обратно в кيسет. Отсыпав с половину, завязал тугой узел.

– Никак мысль переменилась? – иронично молвил Полакка. Второй посол и не пытался скрывать враждебности к таёжным.

Жрец из долины провёл ладонью по лицу, словно смахнул

налипшую паутинку.

– Именно так. *Переменилась думка*, мой посол. Я всё ещё у вас в гостях. Теперь таёжные торговцы нам живыми нужны. Боги на то ясно указали.

Заслышав миролюбивые суждения жреца, «*таёжный торговец*» прервал почти законченную разделку медведя.

– Легенда у нас, таёжных, есть... – осторожно заговорил приглушённым голосом он, обращаясь к Адму.

– Ты не трус... – совсем не к месту оборвала его речь Адму. Поощрительно добавила: – Рассказывай легенду.

Таёжный муж откашлялся и быстро заговорил:

– Вы меня понимаете, и я вас разумею. Странно то. Вы по степи, ну а мы по тайге. Как так? Слова у нас смыслом похожие. О том толкую. Был, как сказывают шаманы, договор у предков, что наш язык таёжный сольётся с вашим. И ваши слова станут нашими. Одной семьёй станет слово тайги и степи. Мы сходились и расходились с вами. Союзы замещались враждой. До дальних гор походом вместе ходили. Но то было очень давно и по временам тёмным позабылось. Легенда же про птицу...

– Белую? Что может оборачиваться в чёрную? – нетерпеливо перебил Гнур и протянул сверху миску таёжному рассказчику.

– Да, про бело-чёрную. – Таёжный муж поднялся, переложил нож из правой руки в левую. Правой принял миску.

– Брешешь! – грубо отвечал Полакка. – Не случилось об-

щих языков с вами. Врёшь! Вы украли наши слова так же, как ты сегодня *кабана*. А раньше, поди, крал у нас *лошадей*? Ты да твой лопоухий щенок! Как с такими подлыми ворами водить дружбу? Даже границ не чтите. Видишь камень границ и мимо проходишь? У тех *узорчатых камней*, как ты лепечешь, заведено молитву сложить да жертву по-сильную принести. Памятные то камни. Праотцами на местах значимых поставлены с умыслом. Над могилами воинов стоят. Не знал? А как тебе такое знать! Потому и союзов бранных промеж нас не бывало. Не могли мои предки такого неуважения стерпеть.

– Видели тебя в деле, – молвил Гнур, – на охоте то бишь. Матёрого медведя добыл. Такого подвига у нас в долине считается достаточно для посвящения в воины. Намажь на лицо кровь зверя и жуй заколдованную смесь, но медленно жуй – не спеши. Как дожуёшь, запей, но тремя только глотками, тремя, слышишь? Я запою. – Гнур ударил правым кулаком в левую ладонь. – Время может и назад обернуться. У каждого из посвящаемых откровения по-своему проходят. Видения старательно проговаривай. Запоминай каждую деталь. Духи придут к тебе. Духи предков и великой тайги. Не знаю, как у вас, таёжных, заведено, но те духи тебе новое имя дадут...

Гнур торжественно замолчал, он сделал вид, что не заметил задиристой речи второго посла. Полакка улыбался во весь рот, его явно распирало на очередную ядовитую шут-

ку, но добрый северных сдержался. Под властными взглядами жреца и вождя Полакка убрал с лица улыбку, надул щёки и не проронил более ни слова.

В девяти шагах от костра жрец начертал тыльником посоха на земле три растянутых овала, что входили четвертями друг в друга. Овалы, общей длиной в рост таёжного мужа, протянулись с востока на запад. Сложил в трёх коротких шагах от овалов свой отдельный жреческий костёр. Разжёл, вынув ветку кедра из кухонного костра. Застелил овалы шкурой медведя, что нашлась в запасах таёжного мужа, мехом к солнцу, мордой на запад. Под морду подложил округлый закопчённый речной камешек со светлой полоской, из жреческой дорожной сумы. Старательно провёл ровную, без разрывов, глубокую борозду между костром и шкурой. Положил на эту черту посох золотым навершием-оленом на запад.

Таёжный муж тщательно разжевал содержимое миски, запил тремя глотками воды и лёг смиренно на шкуру, сложив на груди руки, головой на запад. Третий овал заканчивался в районе ступней. Первый овал жрец подправил, откинув шкуру под макушкой лежащего. Гнур вложил в руки таёжного мужа череп медведя, обсыпал череп красной охрой. Сел рядом, с того бока, где бьётся сердце, поджал ноги. Гнур оказался рядом с посохом, на стороне таёжного мужа.

– Прикрой глаза, – скомандовал Гнур. – Слушай мою песню. Не перебивай. Молчи. Отправимся в царство духов. Когда смесь подействует, ты пройдёшь через... – Гнур указал

на посох. – Через границу между царствами живых и духов... – Теперь правая рука жреца указала на огонь костра. – Проследуешь сквозь очистительный огонь и дым. По ту сторону огня повстречаешься с духами. Духи проводят тебя в мир мёртвых и забытых Богов. Уйдёшь в нижнее, третье царство... – Гнур провёл указательным пальцем в воздухе, по овалу, что очерчивал ноги. – К предкам. Они, предки и духи, дадут тебе драгоценные откровения. Путь предстоит трудный. Не буду обманывать тебя – смертельно опасный путь впереди. Можешь и не вернуться. Только от воли духов будет зависеть твоё посвящение. Но вначале нашего с тобой пути я позову надёжных проводников. Тоже духов, проверенных, мне знакомых, они поведут тебя через созидательный огонь. Ты знай, я жрец посвящённый, уже скоро стану верховным жрецом в долине. Вождя долины с нашим верховным жрецом я проводил к предкам. Был помощником. Да, много похорон видел этот посох. Есть во мне жреческая сила.

– Такое путешествие к предкам у нас могут совершать только самые могучие... отважные шаманы... – восхищённым шёпотом отозвался посвящаемый. – Счастлив несказанно я... Жрец, я буду гордиться великим посвящением... в шаманы...

– *Если воротиться*, – резко оборвал его Гнур. – Верховные духи могут похитить твою душу. Добрые духи-проводники введут тебя в царство ушедших, это-то случится. Как

попадёшь туда, будет встреча. Духи-проводники отдадут тебя важнейшим верховным духам. Ранг у духов определённо разный. Разное и настроение. Будут там и духи непорядка, и духи раздора, и духи бранного безумия. То поймай, смертный, когда их, толпой стоящих, увидишь. Не дерзи, веди себя почтительно, не навлекай на себя беды. Обличьем духи разные. Не смейся, если покажутся *потешными*, – обманчиво обличье духов. Иной малый из них посильнее огромных. Встреча с духами может обернуться скорым судом. Вот в точности как у нас с вами приключилось на реке. Что будет потом, мой таёжный друг, после той заветной встречи, никому не известно. Тут уж как им, бессмертным, заблагорассудится. Может, и без суда над тобой обойдётся. Вдруг жизнь твоя ещё судьбу не довершила назначенную? Помочь тебе, таёжный, я там никак не смогу. Не может жрец пересилить волю важнейших духов. Испросить у них доброты для тебя – это *да, испрошу*. Но навязать им, созданиям Великой Матери-Богини, свою волю – ты уж *извини*. Духи могут прислать к нам вместо тебя и *чужую душу*. Не всем удаётся в своём обличии пройти через миры. Я тебя раньше не знавал, оттого и опознать по возвращении не смогу. Разве что твой сын опознает.

– Вернись, вернись, всесильный жрец! Дар от тебя огромный – оценил щедрость твою! – проговорил таёжный муж. Его переполняло веселье, густая краска заливала загорелые щёки. – Хочу жену покойную встретить в царстве мёртвых...

По прошлому лету ушла, с обидой. На переправе в стремнину затянуло. Уволокло, о камни побило. Тело её стало мягче войлока. Меня там не было. Вина мучает... По ночам её, родную, вижу, приходит во сне призраком и корит меня, а как начну говорить – уходит, не дослушав... Поговорить бы с ней, родной, повиниться... утешить... новости серьёзные передать...

– На то воля Богов. Волю Богов надо достойно принять. Смерть, таёжный муж, – это не конец. Это всего лишь зачин интересного путешествия.

Жрец из долины сочувственно вздохнул, подозвал Ранху, что-то прошептал ей на ухо. Та утратила весёлость, сжала губы, быстро удалилась, вернулась и поднесла левой рукой жрецу копьё таёжного мужа. Затем почтительно, обеими руками, тяжёлую дорожную суму жреца, откуда Гнур вынул две короткие, в две ладони длиной каждая, тонкие, крашенные в красное и синее палочки. Кинул щедрую пригоршню семян конопля в пламя костра. Поднял палочки к небу и негромко запел поминальную молитву.

– Достопочтенная Адму... – тихо обратился Полакка к задумчивому вождю. – Есть серьёзная беседа к тебе, мой вождь.

Глава 8. Духи тайги

Двое северных отошли шагов на тридцать от посвящаемого. Полакка принял почтительный вид. Шёпотом, тщательно подбирая слова, заговорил:

– Почтенная Адму, на твоей стороне Полакка. Не враг я тебе. Заслуг моих недостаточно? Совет пятисот, как ты и хотела, перетянул на твою сторону. Эх-эх! Чего мне это стоило! – Полакка широко развёл руки, сложил их и указал кончиками пальцев на свой пупок.

– Чуток ещё, и надорвался бы. Считаю, с каждым мудрецом из совета поговорил. Убедил. Перетянул даже несговорчивых упрямецев. Раман – тот сильно сомневался в необходимости временного вождя, но и его уломал. Таких, как Раман, с три десятка водилось – в сомнениях. Я избрал тебя, Адму, вождём. Я! Но не об обмене для себя толкую. Идти к таёжным? За миром? Уволь, не было такого меж нами уговора. .

Полакка приложил правую руку к груди. Адму хмуро молчала, внимательно разглядывая облака на небе.

– Савлий неразумный о том по глупости мечтал. Его Раман в поединке твоей же бронзой положил. На твоих же глазах упокоил. А теперь что выходит – мы думой покойного Савлия пробавляться будем? Взяли секретное посольство за войну, а подались в *мир с таёжными*? Прошу, мой вождь, ответь мне, другу твоему.

Почтительный вид Полакка сохранил, только глаза в чувствах сверкали. Адму прервала созерцание белых облаков. Подул ещё летний, приятный ветерок с реки. Потрепал волосы, наваял негу. Адму улыбнулась, положила правую руку на напряжённое плечо Полакки. От такой перемены второй посол улыбнулся.

– В том, что ты *мой надёжный друг*, нет сомнений. Дружбу бронзовую твою ценю. За совет пятисот благодарна тебе. Мог и не поминать мне дела прошлые. – Адму насмешливо подняла брови. – Память крепкая у меня. Но в остальном ты, мой надёжный, неправ. Не за миром идём, Полакка. Раскол внесём в ряды таёжных. Союз их племён порушим.

Полакка наклонил голову к плечу, как делает пёс, который не может понять происходящего. Адму негромко рассмеялась.

– Таёжные, те, что с юга, обязаны быть с нами. По прошлой войне были с нами в мире. С южными и с долиной нападём на тех таёжных, которые по верху Великой реки от нас живут. Нужны нам поводыри в тайге. Не понимаем мы тайгу, не понимаем и рек таёжных. Духи тайги нас не знают – редко мы им молитвы шлём. А вот они, – Адму указала на «*торговцев*», – в тайге – как мы в степи. Постиг хитрую военную задумку, мой друг?

Полакка поднял лицо к небу, покачал головой, посмотрел на жреца и «*торговцев*». Прищурился недоверчиво и закусил ус.

– Адму почтенная, может, занятая охота с медведем на тигра и не знак от Богов? Может, то просто звери вышли на запах жаркого? Кабан по ветру в их сторону по глупости таёжной стоял, ну и подманил голодных?

Адму выставила вперёд открытые ладони. Полакка грустно улыбнулся.

– Да помогут нам Боги в твоих дальних задумках, мой вождь. Оно, конечно, правильно... врагов расколоть... Да только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.